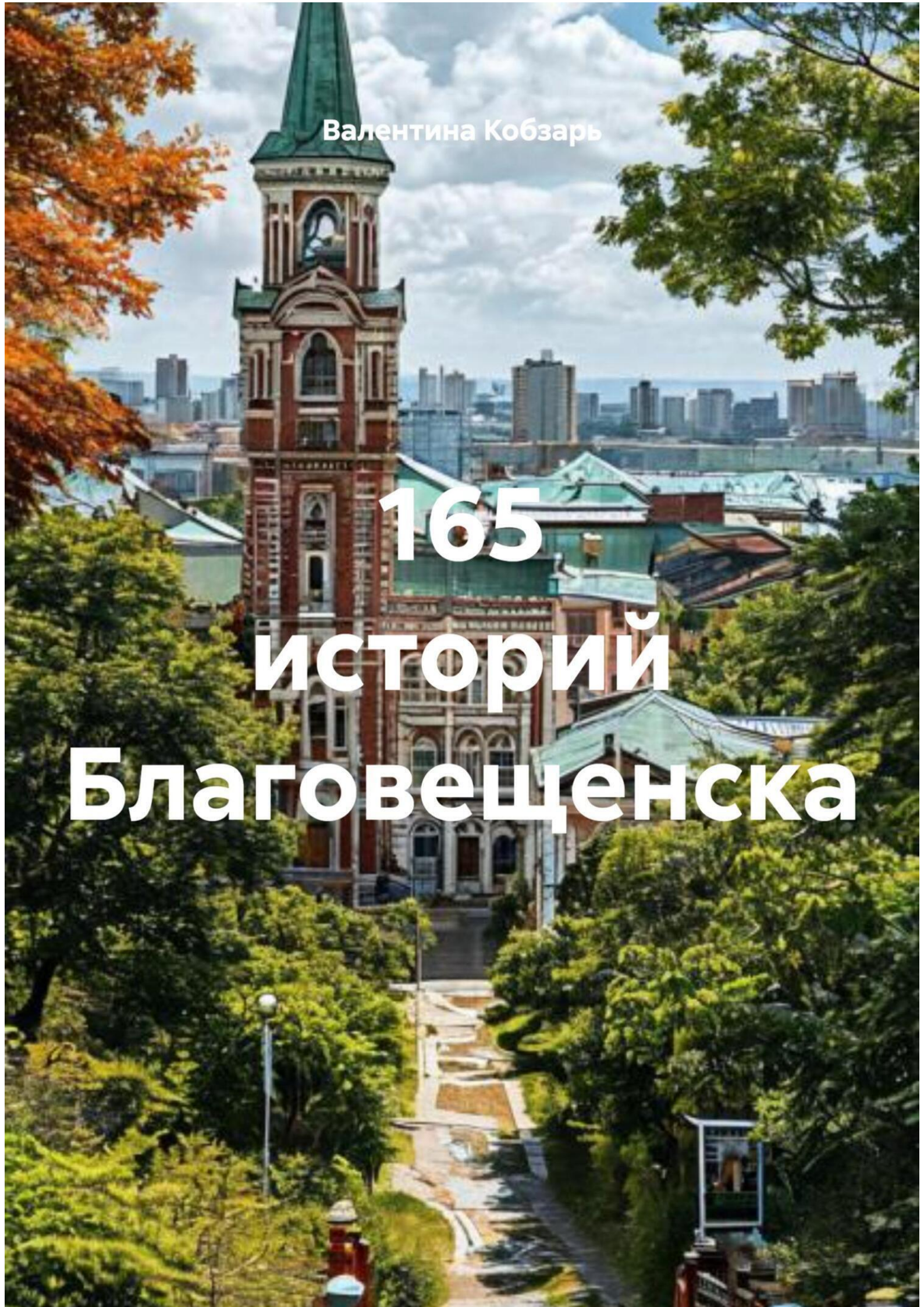




Валентина Кобзарь

165 историй Благовещенска

Валентина Кобзарь

165 историй Благовещенска

«Автор»

2025

Кобзарь В. П.

165 историй Благовещенска / В. П. Кобзарь — «Автор», 2025

«165 историй Благовещенска (конец XIX – начало XX веков)» – издание, адресованное всем, кому интересна история России и Дальнего Востока. Книга написана на основе архивных документов и публикаций периодических изданий, выходивших в Благовещенске на рубеже веков. «165 историй Благовещенска» – документальное повествование о жизни неофициальной столицы Приамурья, каким фактически был Благовещенск в то время. В книге представлен большой объем информации о городском самоуправлении и городском хозяйстве Благовещенска, об организации народного просвещения и народного здоровья, о торговле, бытовом обслуживании, общественном питании, устройстве домашних хозяйств и особенностях частной жизни горожан, о развлечениях, спорте и о главной реке региона – Амуре: его жизненный ритм диктовал условия существования всего Приамурья.

© Кобзарь В. П., 2025

© Автор, 2025

Содержание

От автора	5
БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ ПРЕССА НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ	7
БЛАГОВЕЩЕНСК	11
ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ	14
ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ	18
ГОРОДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО	33
ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС	49
НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ	63
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Валентина Кобзарь

165 историй Благовещенска

От автора

Все начинается с любви. И эта книга – тоже. Люблю Благовещенск и газеты.

Сначала про город. Я выросла в Находке Приморского края. Там всюду были лагеря заключенных, так что историческая застройка города – это деревянные бараки и карцеры из дикого камня. А ещё там сопки загораживают горизонт, солнечных месяцев в году три – август, сентябрь и октябрь, в остальное время морось, ливни, тайфуны.

Попав в Благовещенск (по распределению, после Дальневосточного государственного университета, в редакцию газеты «Амурская правда»), ахнула: небо ясное и высокое, солнце яркое, радуги огромные, горизонт – в дальней дали, улицы широкие, дома такие разные (а бараки бывают только типовые).

В «Амурской правде» тогда работали легендарные Леопольд Феликсович Сарапас, Николай Петрович Мулгачёв, Алексей Ильич Самборский, совсем молодые Адам Погарский, Веннадий Токарев, Николай Белый, Валерий Черкесов. Меня определили в отдел информации. Отделом заведовал Абрам Григорьевич Ривлин. Он писал музыку и театральные рецензии, прекрасно разбирался в футболе, любил анекдоты, шахматы и кофе, а отдел информации под его руководством регулярно выходил победителем социалистического соревнования (не только каменщики и доярки соревновались, и журналисты – тоже, и Доска почёта в редакции была). Абрама Григорьевича знал весь город. Когда в 1979 году его хоронили, проститься с ним пришло так много людей, что на время перекрыли улицу Ленина (редакция тогда размещалась на углу Ленина–Калинина).

В отделе информации было больше свободы в выборе тем, чем, например, в отделе сельского хозяйства или промышленности. Когда я предложила рубрику «Пешком по городу», чтобы рассказывать о старом Благовещенске, Абрам Григорьевич идею одобрил. Домики в деревянных кружевах, кирпичные брандмауэры, ажурные дымоходы, бывшие дворцы-магазины – всё невероятно интересовало, а информации было мало. Какие-то моменты прошлого вообще звучали мифически: «Левашовская дача», «Шадринский собор», «Архиерейское подворье»...

Прошло много лет. В Благовещенске восстановили кафедральный собор, Триумфальную арку, Шадринский собор перестал быть только легендой, кандидаты философских наук Анатолий Васильевич и Татьяна Николаевна Телюк (издательская группа акционерного общества «Амурская ярмарка») начали издавать краеведческие серии книг «Приамурье. Из века в век», «Благовещенск. Из века в век».

Наконец, появилась возможность читать дореволюционную периодику. Мне удалось посмотреть в бумажном и электронном вариантах подшивки нескольких газет и журналов («Камчатские епархиальные ведомости», «Благовещенские епархиальные ведомости», «Амурская газета», «Эхо», «Амурское эхо», «Амурский край», «Торгово-промышленный листок объявлений», «Амурский земледелец», «Записки любителя», «Дятел, беспартийный»), а также отдельные номера других периодических изданий, выходивших в свет с 1894 по 1924 год в Благовещенске, Хабаровске, Владивостоке, Харбине, Чите.

Результатом поисков и чтений стала книга о путешествии А.П. Чехова на Дальний Восток «Благовещенск. До востребования»... (2017); очерк о поэте Фёodore Чудакове в книге «Благовещенск. Март 1918» (2018); больше шестидесяти публикаций в периодических изданиях; больше пятидесяти устных выступлений (в том числе доклады на научно-практических конфе-

ренциях) в библиотеках, музеях, учебных заведениях Благовещенска, Владивостока, Южно-Сахалинска, городов и районов Амурской области; участие в подготовке всех трёх выпусков квеста «Самый-самый Благовещенск» (2017, 2018, 2019); больше десяти экскурсионных маршрутов по областному центру и материал для книги «165 историй Благовещенска». Надеюсь, читать её будет так же интересно, как интересно было над ней работать.

«165 историй...» – определение условное. В книге двадцать две главы, в каждой главе от двух до десяти-двенадцати частей, в каждой части – три, пять, десять историй. Среди них есть взятые из прессы целиком, как о скандале с семейством Мандрыка или драме, что разыгралась в гостинице «Франция». Но большинство историй составлены из массы заметок, которые в благовещенских газетах публиковались на протяжении нескольких лет, например, о работе городской думы, судьбе пианистки М.Ф. Кнауф-Каминской, системе народного здоровья...

Сама книга, как фристайл по страницам газет, потому её структура может показаться сумбурной, а на самом деле она следует за сумбуrom самой жизни, отраженной в газетах – там ведь всё рядом: и сообщения о землетрясении, и реклама модных шляпок. Так и под обложкой книги «165 историй...» соседствуют вопросы городского самоуправления и женские судьбы, конноспортивные соревнования и домашнее хозяйство, достижения технического прогресса и развлечения.

Мои соавторы – журналисты, работавшие в Благовещенске на рубеже веков: Е.А. Александров, Г.В. Артюхов, А.Н. Бибергаль, А.М. Бродовиков, Н.Ф. Губанов, А.В. Кирхнер, А.И. Комов, Ф.Ф. Коротаев, К.К. Куртеев, В.М. Константинов, Г.И. Клитчоглу, А.И. Матюшенский, Е.А. Михайлова, В.Г. Петров, Э.А. Плоский, М.Ф. Поздняков, А.В. Прибылёв, А.П. Прибылёва-Корба, В.Р. Раевский, П.И. Спицын, С.С. Синегуб, Н.И. Сажин, О.И. Типцов, А.И. Хворов, Ф.Т. Харитонов, Ф.И. Чудаков и другие, известные и неизвестные вовсе, что подписывались псевдонимами. Своими заметками, корреспонденциями, очерками, фельетонами, отчётами, репортажами, стихами они создали живой, неофициальный облик Благовещенска каким он был сто с лишним лет назад. С благодарностью к коллегам, представляю на суд читателей наш общий труд.

БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ ПРЕССА НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

(Вместо предисловия)

Начинать рассказ о городе с рассказа о газетах нелогично, ведь первые периодические издания появились через сорок лет после основания Благовещенска. Но большая часть сведений, которые вошли в книгу, почерпнута как раз из газет, и они заслуживают отдельной главы «на открытие», как говорят в редакциях, то есть в самом начале.

Газета – уникальная вещь. В первую очередь источник информации, она может быть скалкой, мухобойкой, веером, туалетной бумагой, упаковкой, утеплителем... Главное её достоинство – газета хранится столетиями и читать её можно хоть при лучине, в отличие от электронных СМИ.

В Благовещенске периодическая печать появилась в конце XIX века. Первыми были «Камчатские епархиальные ведомости». Тут необходимо пояснение.

Камчатская, Курильская и Алеутская епархия была создана в 1840 году. Возглавил её епископ Иннокентий (Вениаминов), впоследствии митрополит Московский и Коломенский – один из основателей Благовещенска. Сначала кафедра епископа находилась в Русской Америке – в Новоархангельске на острове Баранова. Потом, по усмотрению правящего архиерея Иннокентия (Вениаминова), она размещалась в Аянске и Якутске, а с 21 декабря 1858 года – в Благовещенске. Здесь с 1894 года стали издаваться «Камчатские епархиальные ведомости». После разделения Камчатской епархии на Благовещенскую и Владивостокскую, с мая 1899 года, издание сменило название на «Благовещенские епархиальные ведомости».

В официальном отделе «Ведомостей» печатались высочайшие манифесты, определения и указы Синода, обер-прокурора, распоряжения епархиального начальства, объявления от правления Благовещенской духовной семинарии и другие официальные документы. Отдел неофициальный заполнялся проповедями местного духовенства, оригинальными и заимствованными статьями, письмами читателей, описанием событий из жизни епархии и – иногда – из жизни Благовещенска. Так, в апрельском номере за 1912 год был напечатан подробный отчёт о том, как горожане провожал в последний путь известную благотворительницу Ольгу Мартыновну Левашеву.

«Благовещенские епархиальные ведомости» перестали выходить в свет в 1918 году.

Первый номер «Амурской газеты» – первого светского издания Благовещенска – вышел в свет 1 июля 1895 года. Судьба редактора и издателя этой газеты А.В. Кирхнера типична для многих амурских журналистов того времени: недоучившийся студент Московского технического училища, террорист-народоволец, ссыльный, после окончания срока наказания – служащий Ниманской золотопромышленной компании в Амурской области, затем – владелец типографии и газеты в Благовещенске.

Буквально в каждом номере газеты Александр Валерьянович публиковал едкие заметки о деятельности Благовещенской городской думы, городской управы, отдельных представителей самоуправления, аналитические статьи и обзоры текущих событий. Очевидец и активный участник русско-китайского военного конфликта 1900 года, А.В. Кирхнер написал и издал документальную книгу «Осада Благовещенска и взятие Айгуна».

Он был очень популярным и авторитетным журналистом. Умер в 43 года. Амурский губернатор Д.В. Путята прислал на похороны военную музыку и сам шел за гробом. Исключительный случай в истории амурской журналистики.

Одним из самых популярных благовещенских изданий была ежедневная газета «Эхо» (выходила с 3 сентября 1908 года). По литературному и содержательному уровню она не уступала ведущим газетам России, имела множество «народных» корреспондентов в Приамурье (о самых разных событиях писали в редакцию служащие, мещане, крестьяне, учителя,

инженеры, врачи), имела специальных корреспондентов в Петербурге, Москве, Париже, Риме, Маниле, Сахалине. Шуточное издание, которое время от времени печаталось на внутренних полосах «Эхо» и называлось «Балаболка», имело соборов «на Луне, Марсе, Полярной звезде, на Северном и Южном полюсах, на дне Цусимского пролива, в ресторане «Гранд-отель», в «Аквариуме» и т. д.» Не скучное было издание, но серьёзное и весьма, весьма осведомлённое, в начале своего существования – прогрессивное. Распоряжением генерал-губернатора Амурской области 3 февраля 1915 года выпуск газеты был приостановлен «на время военных действий» (шла Первая мировая война), а практически закрыто. С 3 ноября 1916 года газета стала выходить вновь под названием «Амурское эхо». В обращении к читателям издатель заявил, что «газета по мере сил будет по-прежнему стремиться к возможно полному освещению местной, областной, а также общерусской жизни». Слово сдержали: и сегодня газета читается с большим интересом.

17 марта 1918 года (в Благовещенске на время установилась власть Советов) постановлением облисполкома издание «Амурского эхо» было окончательно прекращено «ввиду контрреволюционной деятельности».

Подшивки «Эхо» и «Амурского эхо» сохранились благодаря тому, что редакция исправно выполняла... указ Екатерины II 1783 года. Согласно указу, один экземпляр каждого издания (книги или периодики) передавался (с 1862 года) в библиотеку Румянцевского музея. Редакция «Эхо»/«Амурского эхо» выполняла указ исправно.

В разные годы в Благовещенске кроме уже названных изданий выходили газеты «Амурский летописец», «Амурский пионер», «Амурская жизнь», «Амурская речь», «Амурское слово», «Амурский коммерческий посредник», «Благовещенск», «Благовещенское утро», «Голос окраины», «Голос приказчика», «Голос труда», «Амурские отголоски», журналы «Колючки», «Зея» и другие.

Главным источником доходов периодических изданий была реклама. Рекламодатели, а их в Благовещенске было предостаточно, платили за строку петита по 20 копеек, если объявление размещалось «перед текстом» – на первой полосе, рядом с названием газеты, выше официальных сообщений, и 10 копеек – «после текста», то есть на двух последних страницах. Для рекламных объявлений, которые поступали из Европейской России и из-за границы, цена была выше – 30 и 15 копеек за строку петита соответственно.

Самыми активными рекламодателями были торговые фирмы (некоторые выкупали целые страницы), пароходовладельцы, частнопрактикующие врачи, кинотеатры и разного рода гастролёры: театральные труппы, оркестры, циркачи, спортсмены.

Распространялись издания по подписке (за ежедневную газету платили 8-10 рублей в год) и в розницу (один номер газеты стоил 5-8 копеек). У каждой редакции были свои «газетчики» – в основном мальчишки, которые продавали свежие номера на улицах города.

Первый газетный киоск появился в Благовещенске в 1911 году. В феврале в городскую думу обратился некто Земплинер с просьбой отвести ему нескольких квадратных саженей земли на участке бывшей Алексеевской женской гимназии (деревянное здание на Чуринской площади), чтобы поставить там торговую точку. «Такого рода киоски, в других городах составляющие обыденное явление, у нас будет новшеством», – писал репортёр газеты «Эхо». В сентябре 1911 года просителю выделили 1,5 сажени на углу Торговой и Большой. Арендная плата – 450 рублей в год. Было ли предприятие по торговле газетами и книгами успешным и как долго работал киоск, неизвестно.

О чём можно было прочитать в благовещенских газетах? Издания публиковали распоряжения и объявления органов власти и местного самоуправления; отчёты с заседаний городской думы, съездов золотопромышленников, пароходовладельцев, врачей; новости из Европейской России, заграницы и Приамурья (их получали по телеграфу или перепечатывали из иностранных газет, которые доставляла почта); сообщения о спортивных соревнованиях, гуляниях,

бегах и скачках, спектаклях профессиональных актёров и любительских коллективов; литературные произведения современных авторов, в том числе местных, например, «коллективный роман «Амурские волки»; письма читателей, справочную информацию и многое другое.

В каждом номере обязательно размещалась «Местная хроника»: десять–двадцать небольших заметок о самых разных событиях. Например, таких: «Две дохлые крысы валяются на Чуринской площади между иллюзионом и лавочками. Если вообще следует тщательно убирать с улиц всякую падаль, то крыс тем более»; «По поводу предполагаемого прохождения Земли через хвост кометы Галлея редакция обратилась по телеграфу в Пулковскую обсерваторию (Санкт-Петербург) с просьбой сообщить, когда можно будет наблюдать это явление. Ответ – около полуночи благовещенского времени».

Газеты печатали самые разные новости. Важнейшими для жителей Благовещенска были сообщения с Шилки и Амура: весной – о движении льда (чем раньше он двинется, тем быстрее начнётся навигация), летом – об уровне воды в реках (если высокий, значит, не будет задержек с доставкой грузов и пассажиров, если низкий, значит, подсчитывай убытки), осенью – о шуге: она предвещала окончание навигации.

Из прессы горожане узнавали о движении пароходов, расценках на перевозку грузов и потребностях в самих перевозках по огромному Амурскому бассейну, а это Шилка, Амур, Зея, Томь, Селемджа, Буряя, Сунгари, Уссури и озеро Ханка. Газеты публиковали списки пассажиров, которые занимали на пароходах каюты первого класса: «Прибыл из Сретенска доктор Гуревич с семьей»; «Из Австралии проследовал германский консул Гек, который направляется на родину». Иногда сообщали и адреса, по которым останавливались гости Благовещенска: «Прибыл из СПб помощник присяжного поверенного Шмидт, остановился в «Гранд-отеле» в №5»; «Из Владивостока приехал коммивояжер «Резиновой мануфактуры» Юргенс. «Гранд-отель», №10»; «Из Иркутска торговец пушниной Николай Михайлович Бережнов остановился в гостинице «Россия», №25»; «Уполномоченный Ярославско-Костромского банка И.А. Стратонович прибыл на пароходе «Джон Коккериль», остановился в «России».

Регулярно публиковались сообщения о недоставленных телеграммах. Их разносили по адресам, и, если телеграфный чиновник вас дома не застал, ищите свою фамилию в газете («Недоставленные телеграммы: Иванову из Петербурга, Сидорову из Цицикара») и отправляйтесь за посланием сами.

В марте 1912 года газета «Эхо» опубликовала любопытный отчёт о телеграммах, которые благовещенская почтово-телеграфная контора в течение года по разным причинам не смогла доставить адресатам: «267 – не проживание адресата, 12 – искаженный адрес, 729 – неполный адрес, 452 – выбытие адресата, 3 – необозначение фамилии, 69 – за отказом от приёма телеграммы, 371 – другие причины. Всего не доставлено 1903 телеграммы». Конечно, во много раз больше телеграмм нашли адресатов.

В каждом номере обязательно размещались «Письма в редакцию». Это были сообщения читателей – благодарности, жалобы, вопросы. Вот, к примеру: «Имеющиеся в настоящее время списки телефонных абонентов устарели, что представляет значительные неудобства. Когда будут подготовлены новые списки?»

Через газеты жители города выясняли отношения друг с другом. Если в какой-то публикации кто-то кого-то в чём-то обвинял, критиковал, предъявлял претензии, по тогдашним правилам хорошего тона оппоненту следовало отвечать именно через газету. В 1909 году серьёзная полемика между двумя докторами растянулась на полгода: на страницах газеты «Эхо» они спорили друг с другом по поводу диагноза своей пациентки – жительницы Благовещенска, чьё имя называлось в каждом письме. Спорили со всеми медицинскими подробностями. Оба врача – гинекологи!

Пресса в то время работала в условиях цензуры: господин полицмейстер Благовещенска просматривал свежие номера и, если находил что-то, по его мнению, крамольное, приказывал

составить акт и передавать его в суд. Суд выписывал штрафы в 100-200 и больше рублей. По усмотрению судьи денежный штраф иногда можно было заменить на тюремное заключение, и многие соглашались на такой вариант.

Чаше других проблемы с законом возникали у редактора газет «Благовещенское утро», «Амурский пионер» Александра Ивановича Матюшенского. Особенно в 1912 году. Вот небольшая хроника его конфликтов с законом.

Февраль: «Административное взыскание, наложенное на редактора «Амурского пионера», вступило в силу. За отказ внести штраф Матюшенский подвергнут аресту».

Май: «Редактор газеты «Амурский пионер» заявил администрации, что вместо уплаты штрафа в 200 р., наложенного на него за статью «Московские миллионеры и Коковин», он готов сидеть в тюрьме. Срок заключения – шесть дней».

Июнь: «7 июня у мирового судьи первого участка рассматривается дело по обвинению епархиальным наблюдателем священником Овчинниковым редактора «Амурского пионера» Матюшенского за оскорбление в печати. Приговор Матюшенскому: штраф 20 р. с заменой при несостоятельности на четыре дня ареста».

«11 июня в заседании окружного суда при закрытых дверях разбиралось дело по обвинению редактора газеты «Амурский пионер» Матюшенского по 1034 ст. Уголовного уложения, возбуждённое вице-губернатором камер-юнкером Чаплинским. Суд вынес следующий приговор: редактора Матюшенского подвергнуть заключению в тюрьму на четыре месяца».

«14 июня очередной номер «Амурского пионера», выпущенный вечером 12 июня, по распоряжению администрации был конфискован. Городовые ходили по улицам и отбирали газету, вследствие чего номера, случайно сохранившиеся у газетных продавцов, котировались, как мы слышали, от 2 до 5 р. за экземпляр. Арест газеты начался в типографии, где взята была почти вся наличность, а также арестован набор второй и третьей страниц. В редакции полиция захватила только три номера, так как розница была уже выдана разносчикам. Причина конфискации в отчёте о состоявшемся 11 июня судебном разбирательстве дела Матюшенского».

«15 июня издание «Амурского пионера» приостановлено за статью «Суд над редактором».

Распроставшись с «Амурским пионером», та же компания (А.И. Матюшенский, Н.В. Бурдина, Е.А. Михайлова и коллеги) в том же июне 1912 года «возбудила ходатайство о разрешении издавать газету «Благовещенское утро». Разрешение было получено и, по сути, прежнее издание под новым названием выходило в свет вплоть до 1917 года.

За разные сочинения крамольного характера часто навевались «на горку» (в благовещенскую тюрьму) Г.И. Клитчоглу (редактор газет «Амурский край», «Амурская жизнь»), Д.В. Дулетов (редактор-издатель газеты «Амурская речь»), Ф.И. Чудаков (ответственный секретарь газет «Эхо», «Амурское эхо»), К.К. Константинов (редактор-издатель газеты «Торгово-промышленный листок объявлений»), К.К. Куртеев (редактор-издатель газеты «Благовещенск») и другие. При нарушениях особо серьезных с точки зрения полицмейстера, редакторам выписывали огромные штрафы «без замены на арест». И это было в порядке вещей – по закону.

Журналисты тех времен были дотошными и всезнающими, от них доставалось и чиновникам, и миллионерам, и обывателям.

Двум газетчикам – А.В. Кирхнеру и Ф.И. Чудакову горожане планировали установить памятники. Не сложилось.

БЛАГОВЕЩЕНСК

Усть-Зейский пост – Усть-Зейская станица – Благовещенск – Местные и пришлые

История Благовещенска и, собственно, Амурской области начинается с приказа, который генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев дал своему офицеру по особым поручениям М.С. Корсакову (впоследствии генерал-лейтенант, генерал-губернатор Восточной Сибири) об организации пяти военных постов на левом берегу Амура для обеспечения довольствием войск, возвращавшихся с низовьев Амура после окончания Крымской войны.

14 мая 1856 года Корсаков докладывает об основании Усть-Зейского поста. С сентября того же года здесь обосновались казаки Забайкальского казачьего войска под командованием сотника М.Г. Травина.

В 1857 году на Амур прибыли 583 семьи казаков и два линейных батальона регулярных войск. Усть-Зейский пост был преобразован в Усть-Зейскую станицу. В ней разместились оба батальона. В тот год на Амуре было основано 15 казачьих станиц.

5 июля 1858 года последовал императорский указ об учреждении у слияния Амура и Зеи города Благовещенска, а 8 декабря – об образовании Амурской области с административным центром в Благовещенске. Первым военным губернатором Амурской области был назначен генерал-майор Н.В. Буссе.

Локомотивом развития нового края стало золото: с 1865 года, когда в Приамурье была разрешена его добыча частным лицам, один за другим стали открываться прииски (в 1890 году их было больше 30).

«Мегаполис Восточной Сибири», «Сибирская столица», «Амурский Париж» – так называли наш город путешественники того времени. И они не преувеличивали. В первые 60 лет существования Благовещенск – самый крупный и самый богатый город Дальнего Востока. Он имеет важное военно-политическое и экономическое значение для всего региона. В разные годы здесь были расквартированы 1-й Амурский казачий генерал-адъютанта графа Муравьева-Амурского полк, 21-й Сибирский стрелковый Её Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны полк (до 1910 – Восточно-Сибирский), батарея 2-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады. В городе размещались разного рода административные учреждения: областное по крестьянским делам присутствие, окружное полицейское управление, управление 1-го акцизного округа Амурской и Приморской областей, уездное казначейство и т. п. Все крупные золотодобывающие компании, в их числе Верхне-Амурская, Верхне-Зейская, Джалонская, Ниманская, Ельцова и Левашева имели представительства в Благовещенске. Здесь разместилось управление Амурского водного бассейна, одно из крупнейших в Приамурье переселенческих управлений, управление строительства средней части Амурской железной дороги. Размах благовещенской торговли поражаел воображение и, по меркам Дальнего Востока, здесь была хорошо развитая промышленность: действовали чугунолитейный, машиностроительный, пивоваренные, кирпичные, кожевенные заводы, спичечная фабрика, мощные паровые мельницы. Благовещенск – город безграничных возможностей для людей отчаянных и предприимчивых, город рухнувших надежд для тех, кому не судьба разбогатеть или хотя бы найти «занятие за скромную плату».

Что из себя представляло благовещенское общество? Как в любом другом городе, стоящем «на перекрёстке путей и дорог», обитателей Благовещенска можно было поделить на две группы: первая – те, кто живёт здесь постоянно, вторая – пришлые (их называли навозными, с ударением на «ы», то есть привезёнными). «Коренные» – это мещане, крестьяне, купцы, приказчики, фабриканты, рабочие и т. д., имевшие в городе недвижимость, собственное «дело», работу и приработок в виде извоза, охоты, заготовки леса, содержания квартирантов... Пришлые – это разного рода коммивояжеры, оказавшиеся в городе по делам; сезонные работники,

занятые на строительстве Амурской железной дороги, приисках, речном флоте, в сельском хозяйстве; переселенцы и просто проезжающие (пароходы приходилось ждать иногда неделями). Кроме того, масса иностранцев: европейцев, китайцев, монголов, японцев, корейцев, американцев.

В первые пятьдесят лет истории города пришлых людей иногда было больше, чем постоянных жителей. К примеру, в 1886 году в Благовещенске числилось 710 иностранцев, 3 841 разночинец, 1 914 отставных солдат и казаков, 1 081 ссыльнопоселенец. Всего 7 546 душ. А «коренных горожан» обоего пола всего 3 872 человека: 21 почетный гражданин, 338 купцов, 3 463 мещанина.

На рубеже веков городское население росло постепенно, прибавляясь в среднем по 2 000 человек в год, и в 1905 году составило 39 629 душ. После Русско-японской войны в Благовещенске осело большое количество беженцев, и в 1907 году в городе проживало уже 56 414 человек. Вскоре после той войны началось сооружение Амурской железной дороги, на «стройке века» были заняты тысячи специалистов и сотни тысяч рабочих, количество жителей областного центра с 1908 по 1911 увеличилось почти на 13 000 человек – с 57 340 до 70 145. Начиная с 1912 года, когда основные работы на строительстве Амурской железной дороги заканчивались, грузопоток с Амура постепенно перемещался на «железку», что негативно влияло на экономическое положение города, его население стало уменьшаться: в 1914 году в Благовещенске проживало 56 436 человек.

Обычно особенно бурной городская жизнь была по осени, когда заканчивался сезон добычи золота, приисковые рабочие получали расчёт и «отдыхали» в Благовещенске в ожидании пароходов. Пёстрая и денежная публика тратилась в лавках и магазинах, широко гуляла в ресторанах, трактирах, буфетах, распивочных и «весёлых» домах. «Капризная судьба выбирает двух-трёх счастливиц (из приисковых) и дарит им богатства, которые, по прибытии владельцев в Благовещенск, в большинстве случаев самым бесшабашным образом прожигаются, причём, происходят сцены, не лишенные комизма. Например, покажется такому гуляке, что ему неприлично ходить по грязи, и он скупает ситец и стелет его по земле для своего прохода, или, например, вместо водки начинает пить одеколон, считая это почетнее», – вспоминал архитектор и путешественник А.И. Середин-Сабатин, побывавший в Благовещенске в конце XIX века.

Да, временами жизнь в Благовещенске была отчаянно бурной. Но только разгульным весельем она не исчерпывалась. Для примера – отрывок из дневника казака Д.Г. Пешкова о том, как степенно и душевно провожали его из Благовещенска в Петербург 7 ноября 1889 года. В 6 часов утра, отслужив молебен в Никольской церкви, Дмитрий Николаевич отправился к настоятелю церкви протоиерею Александру (Сизому) за благословением, а от него к своему командиру полковнику Г.В. Винникову проститься. Прощание было самым тёплым и искренним. «День был ясный, дул небольшой ветер при температуре градусов в 20, – записал в своем дневнике Дмитрий Николаевич. – Ровно в 12 час. и 20 мин. пополудни, перекрестившись, я сел на коня и тронулся в путь в сопровождении до городской черты в экипажах супругов Аргуновых, г-ж Д.Л. Кристензен, А.И. и М.И. Львовых и японского доктора Ино с переводчиком; затем верхами: китайца Василия Васильевича, товарищей А.С. Добротворского, Н.Л. Караулова, А.А. Зарудного, И.Н. Зыкова, А.Д. Ожигова, И.Н. Золотовского, Б.Ф. Кузьмицкого, А.Б. Карпова. Впереди выехали «квартиргерами» товарищи офицеры: В.Н. Лютиков и Б.А. Соколов с целью приготовить в станице Игнатьевской ночлег. Подъезжая к станице, кавалькаду нагнал Н.К. Кононович. По приезде в Игнатьево, после закуски все отправились на вечеринку к казаку Елифанцеву, выдававшему в этот день свою дочь замуж. Пробыв часа полтора на вечеринке, некоторые вернулись в Благовещенск, а некоторые остались ночевать. Проснувшись очень рано и осмотрев коня, выехал в 7 час. утра из станицы Игнатьевой».

По этому эпизоду можно представить, что жизнь «коренных» благовещенцев была относительно спокойной, вполне размеренной, в окружении близких и знакомых, проходила она в трудах и заботах и, как правило, без диких выходок, которыми отличались «пришлые».

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Сухопутный маршрут – По Амуру – В Приамурье – «Целинники»

Почти сто семьдесят лет назад правительство Российской империи организовало переселение крестьян в Приамурье. Наши предки решили стать участниками этого грандиозного проекта. Благовещенск был одним из опорных (в первые годы – основным) пунктов переселенческого дела в Приамурье. Переселенцы составляли значительную, хотя и «транзитную», часть населения города.

«Переселенцы, отправляющиеся на Амур, имеют очень смутные понятия об этом далёком крае. Иные из них идут по слухам, надеясь найти на Амуре рай и жить без забот на вольной земле. Другие идут по письмам своих родных и односельчан, доверяясь обещаниям, будто здесь всё достаётся без труда и хлопот. На деле никаким обещаниям и слухам верить нельзя». Это цитата из «Справочной книжки Амурской области для переселенцев» за 1899 год. Составил её чиновник особых поручений при Приамурском генерал-губернаторе по переселенческим делам А.А. Тарновский. В ней он пишет: «Нелегко добраться до Амура, а ещё труднее здесь устроиться. Жизнь дорогая, хозяйство ведётся не так, как в России, обработка земли тяжёлая, климат другой, дороги плохие, селения редки, храмов Божиих мало...» Но, надеясь на удачу, на восток, за землей и лучшей долей тянулись жители Астраханской, Полтавской, Таврической, Самарской, Орловской, Тамбовской, Воронежской, Енисейской и других губерний России.

Первыми отправлялись ходоки. Их посылали отдельные семьи или целые сёла. Ходоки были настоящими разведчиками: осматривали новые земли, выбирали участки, оформляли документы, писали письма-«отчёты» или возвращались на запад, чтобы лично рассказать об увиденном тем, кто их посылал в дальнюю даль. Уже после этого покидали родные места собственно переселенцы. Их считали – семьями: приехало 15 семей – 180 душ, прибыло 30 семей – 320 душ.

Дорога в Приамурье – это 8 000-10 000 км. Переселенцы ехали в повозках, где была возможность – по воде, много шли пешком. По мере строительства Транссибирской железнодорожной магистрали их стали перевозить в поездах.

До 1910 года «железка» заканчивалась в Сретенске: там и сейчас рельсы упираются в скалу (Амурскую железную дорогу от станции Куэнга в Забайкалье до Хабаровска полностью ввели в эксплуатацию в 1916 году). От Сретенска до Благовещенска по Шилке и Амуру переселенцы добирались на плотках, казенных или частных пароходах и баржах. Некоторые везли через всю страну лодки и сплавлялись на них. Вот, например, что писала газета «Торгово-промышленный листок объявлений» в июле 1909 года: «На берегу Амура расположились переселенцы из Бессарабии. По Амуру они шли на лодках, которые привезли по железной дороге, заплатив за них, как за телеги».

Выгоднее всего было сплавляться на плотках: не надо платить за проезд, места хватает людям, животным, телегам, в Благовещенске брёвна можно продать или уже на месте построить из них жильё.

Цены за проезд на частных пароходах не были постоянными и зависели от «аппетитов» владельцев. В 1909 году газета «Эхо» писала: «Перевозка переселенцев в этом году будет производиться на пароходах наследников В.М. Лукина. Плата от Сретенска до Благовещенска с каждого взрослого 2 р. 50 к. (в прошлом году Амурское общество пароходства и торговли брало по 3 р. 50 к.), с малолетнего – 1 р. 25 к. (в прошлом году 1 р. 75 к.), с лошади и рогатого скота – 4 р. (в прошлом году 7 р.), телята и жеребята провозятся бесплатно (в прошлом году – по 3 р. 5 к.), груз – 15 к. с пуда (в прошлом году 20 к.), телега – 1 р. 75 к. (в прошлом году – 3 р. 50 к.).

Плыть по реке легче, чем идти по суше, но достаточно опасно: пароходы налетали на камни и тонули, случалось, горели, но чаще они застревали на мелях или налетали на камни и «сидели». Иногда – с музыкой.

Летом 1890 года по пути на Сахалин на пароходе «Ермак» прошел по Амуру А.П. Чехов. У станицы Покровской на Верхнем Амуре пароход, налетев на камень, получил пробоину и остановился для починки. Чехов написал об этом родным: «К станице подходит встречный пароход «Вестник» с массою публики. «Вестнику» тоже нельзя идти дальше, и оба парохода сидят сиднем. На «Вестнике» военный оркестр. В результате целое торжество. Вчера весь день у нас на палубе играла музыка, развлекавшая капитана и матросов и, стало быть, мешавшая починять пароход. Женская половина пассажирства совсем повеселела: музыка, офицеры, моряки... ах! Вечером гуляли по станице, где играла по найму казаков всё та же музыка».

Не всем так везло – «Ермак» просидел на мели только сутки, а, бывало, путешественники неделями не могли двинуться дальше: провизия кончается, деньги и время тратятся напрасно, а на новом месте надо успеть устроиться до холодов. Иногда пассажиры бунтовали и даже дрались с командой, но смирялись, потому что другой возможности добраться до новых земель не было.

Множество опасностей подстерегало переселенцев в трудном далёком пути. А в Благовещенске их поджидали разного рода мошенники и проходимцы. Особенно отличались перекупщики коней. «Берут за лошадь втридорога, а сбывают никуда не годящую дрянью, – писал корреспондент газеты «Торгово-промышленный листок объявлений». – Тут вы встретите и слепую, и хромую, а то и совершенно безногую, напоённую водой, которая выглядит очень бойкой и кажется молодой. Переселенец, платя хорошие деньги, бывает наделён никуда не годной клячей».

Случалось и хуже. «Возле Анновки шестью неизвестными ограблено 79 переселенцев. Двое бандитов стреляли вверх, остальные обирали. Забрали 1500 рублей, двух лошадей, разное имущество», – сообщалось в криминальной хронике газеты «Эхо». Почему переселенцы не сопротивлялись? Может быть, от неожиданности, может быть, на всём пути до Амура такого с ними не случалось? К чести местных сыщиков, через несколько дней подозреваемых в ограблении переселенцев, с неопровержимыми уликами, арестовали на постоялом дворе Мостового, за Амуром, в Сахалине.

Добрых людей всегда больше, чем бандитов, и амурчане, которые обосновались на новых землях раньше, помогали новосёлам самыми разными способами. В 1898 году в Благовещенске было организовано Общество вспомоществования нуждающимся переселенцам, но и до этого частные лица по своей инициативе делились с прибывающими продовольствием и транспортом, помогали в строительстве жилья, покупке скота, при болезнях, наводнениях, пожарах и т.д. Когда в 1885 году случился на Амуре недород, купец первой гильдии И.Ф. Голдобин пожертвовал для бесплатной раздачи нуждающимся переселенцам 1000 пудов муки. В июле 1909 года из-за мелководья на Зее застряло несколько барж с переселенцами. Моторный катер управления водных путей доставил им 80 пудов белого хлеба, который испекли в «Киевской булочной» Благовещенска. Хлеб доставляли несколько раз, пока переселенцы не добрались до места назначения. Подобных примеров помощи «новым амурчанам» было немало.

Благовещенск был перевалочным пунктом: сюда переселенцы прибывали по Амуру, здесь получали документы, пособия, другую помощь, отсюда следовали на заранее определённые участки. Фёдор Чудаков в 1910 году напечатал в газете «Эхо» прочувствованное стихотворение, посвящённое переселенцам, «На берегу».

Сыны чарующей Украйны,
Страны, где воздух так здоров,
Где все толсты необычайно,
Где кормят крышами коров,

Где мёд и брага – в каждой хате,
Где степи вольные вокруг,
Где держат куриц на канате,
Чтоб не топтали панский луг, –
Сыны Украины незабвенной,
Скажите, други, откровенно,
Какой вас клад сюда влечёт
Из года в год, из года в год?
Простись, хохол, с янтарной вишней,
И от далекого пути
Ты на годов десяток лишний
Свой век печальный сократи.
Конечно, плохо, если с лапоть
Объёмом вся твоя земля,
Но ведь и здесь ты будешь капать
Кровавым потом на поля.
Конечно, нету здесь урядниц,
Что девок розгами секут,
И также не с мужичьих з–ц
Мирскую подать здесь берут.
Но все ж о землях чигиринских
С отрадой будешь вспоминать,
Когда чиновников Огинских
Тебе придётся повидать.

Во многих источниках можно прочитать о том, что на восток переселялись бедные люди. Это не так. Нужна была лошадь сильная, телега крепкая, деньги на проезд, еду, ночлег, обустройство на новом месте. Казна обеспечивала льготный проезд, выдавала денежные ссуды, лес для постройки дома и того, что нужно для хозяйства, продавала сельхозтехнику со скидкой, оборудовала дороги, устраивала колодцы, но и собственных денег переселенцам нужно было немало.

Газета «Амурский край» в мае 1910 года напечатала такую заметку: «Прибыла первая партия переселенцев. Они из Екатеринослава, Херсона, Харькова, Воронежской губернии. Повидимому, народ зажиточный: везут с собой всевозможный домашний скарб, много плугов, почти все имеют дышловые телеги на железных ходах». «Из Благовещенска в Зею двигался обоз переселенцев не менее 150-ти подвод», – сообщала газета «Эхо» в июне 1910 года.

Сколько их было, новосёлов? Сотни тысяч. В 1907 году через Благовещенск прошло 15 000, в 1908 году – 9 000, в 1909 году – 21 000, в 1910 году ожидалось 35 000 переселенцев.

«Целинники» добивались до отведённых им участков и там, в лесу или чистом поле, начинали обживать. Сергеевку основали молокане из Тамбовской губернии, Натальино – старообрядцы из Забайкалья, Астрахановку – сектанты (прыгуны) из Таврической губернии, Егорьевку – сибирские, Новотроицкое – енисейские православные, Загорную Селитьбу – саратовские староверы... Можно сказать, что переселенцы спроецировали на карту Амурской области карту почти всей Европейской России.

На новом месте всё надо было делать одновременно: строить жильё, корчевать лес, пахать и засеивать землю. Укорениться могли только самые сильные, выносливые, работающие: семьи, которые имели много рабочих рук и достаточно денег. Освоившись, переселенцы начинали заниматься промыслами, которыми владели, и для которых были определённые условия. В районах, где рос лес, например, в Зейской волости, они наладили производство колёс, телег, саней, деревянной посуды, гнали дёготь из сосны и берёзы (до 2 000 пудов в год поставляли

для золотопромышленных компаний и на склады Благовещенска), заготавливали и сплавляли лес. Там же нашлись подходящие породы камня для выделки мельничных жерновов. Переселенцы, поселившиеся по берегам Буреи, зарабатывали заготовкой сена для приисков, сплавом леса, заготовкой и продажей дров. По Амуру казачье население перевозило грузы, занималось «рыбным и звериным промыслом». Самый большой доход – совокупно до 155 000 рублей в год – давало содержание почтовых станций, которые казаки брали в аренду.

«Земля здесь богата лесами, зверем, рыбой, запасами недр, – писал в книжке для переселенцев А.А. Тарновский. – Не было примера, чтобы человек трудящийся, трезвый и хорошо работающий после трёх-четырёх лет не сделался бы зажиточным хозяином».

Осенью 1908 года были опубликованы результаты обследования почти 5 000 крестьянских хозяйств (26 человек из состава комиссии шталмейстера Н.Л. Гондатти, присланной из Петербурга, в течение лета проводили опросы на территории нынешнего Тамбовского и Ивановского районов; некоторые сведения из этого отчёта опубликовали благовещенские газеты). Руководитель работ С.П. Швецов был в шоке от результатов обследования. «Такого обилия хлеба мне ещё видеть не приходилось. Средний доход хозяйства амурского старожилца 3 283 рублей! Цифры неслыханные для Европейской России.

Поражает обилие машин. На 5 000 хозяйств плугов 6 400, косилок 161, молотилок 730, веялок 1 100, сеялок 3 270, жаток больше 1 500, сноповязалок больше 1 500, усовершенствованных борон – 300, сох – ни одной! (бесполезная вещь, когда обработать надо сотни и тысячи квадратных десятин земли). Машина, хранящаяся как зеница ока российским крестьянином, здесь трактуется, как самая малоценная вещь. Приходилось видеть, как машины, ещё новые, валялись под дождём в грязи, как негодное старьё! Когда я указал на это хозяину, услышал: «Ничего, она себя оправдала, можно новую купить».

Сельхозтехника была одним из самых ходовых товаров в Благовещенске. Только за 1908 год было продано около 12 000 машин и частей к ним почти на 850 000 рублей (городской бюджет в то время составлял около миллиона рублей!). «За последнее время наша деревня предъявляет громадный спрос на земледельческие машины и орудия, – пишет корреспондент газеты «Эхо». – Это резко бросается в глаза при наблюдении, например, за складом Отто Тимма, откуда крестьяне ежедневно увозят разных сельхозмашин на 20-40 подводах! И это изо дня в день продолжается уже не первый месяц».

ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

О нуждах города – Самоуправление – Праздники – Думские хроники

«Благовещенск носит совершенно своеобразную физиономию и не похож ни на один из русских городов», – написал в 1908 году автор «Географического, этнографического и экономического очерка Амурской области» В.П. Врядий.

В начале XX века Благовещенск энергично развивался. В 1908 году в городе проживало около 50 000 человек, жилых строений – 4 744, нежилых – 3 887, трактиров и гостиниц – 34, постоянных дворов – 19, съестных лавок – 50, фабрик и заводов – 26. Через год население – около 52 000 человек, жилых строений – 5 652, нежилых – 3 943, трактиров и гостиниц – 30, постоянных дворов – 24, съестных лавок – 62, фабрик, заводов, мастерских – 30, паровых мельниц – 9.

В сентябре 1910 года в городской думе обсуждали доклад «О нуждах города» для Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти (подробности заседания опубликовала газета «Эхо»). Написали, как есть, и все нужды города уместились в восемь пунктов: мужскую гимназию принять на средства казны; из казны выдать пособие на выполнение плана всеобщего начального образования; выдать из школьного строительного фонда средства на постройку и расширение школьных зданий; реальному училищу придать права правительственного училища; ввести в пользу города попудный сбор за ввозимые и вывозимые товары; содержать психиатрическое отделение городской больницы за счёт земских средств; возместить 7 400 рублей, которые город потратил на призрение семейств запасных нижних чинов в 1905 году; дать отсрочку платежей по правительственным ссудам.

Участвовавший в обсуждении доклада священник Николай Вознесенский сделал очень существенное замечание: «Доклад в Петербурге будут читать люди, не знакомые со здешней жизнью. Сравнительно большой рост города и небольшой его долг (в сравнении с задолженностями городов в Европейской России) может иметь неблагоприятное впечатление». Отец Николай предложил составить комиссию для написания нового, не столь «оптимистичного» доклада, с чем члены думы согласились.

Своеобразный «доклад» о жизни города опубликовал в 1909 году в газете «Эхо» язвительный Фёдор Чудаков.

«Поэзия и проза в Благовещенске. Контрасты»

Экая ночь прекрасная.

Звёздочки ясно горят.

(Вонь по кварталам ужасная.

Что санитары глядят?)

Жизнь приутихла кипучая.

Город спокойно уснул.

(Ах ты, макака вонючая!

В морду его! Караул!)

Всюду горит электричество.

Кто-то под скрипку поёт.

(Пьяных большое количество

На четвереньках ползёт).

Тихо рыдает мелодия

В ясной полуночной мгле.

(«Он меня, выше скобродие,

Сам стебанул по скуле»).

Звуки полны поэтичности,

Будят желанья они.
(Две подозрительных личности
Держатся вместе в тени).
Хочется чистого, сельского
Воздуха, света, тепла.
(Нынче в театре Кумельского
Штучка пикантная шла).
Хочется гнаться за славой
Или молиться в ночи...
(Над городской управой
Тихо летают сычи).
(Кумельский – театральный антрепренёр).

Городское общественное управление было введено в Благовещенске в 1864 году, а «Городовое положение» (от 1870 г.) – с 1 января 1876 года. Уже осенью 1875 года состоялись выборы в благовещенскую городскую думу. Строительство двухэтажного здания городской управы на Большой улице завершилось в 1891 году. «Над нашим городом, очевидно, висит какое-то проклятие: почти нет ни одного городского здания, которое соответствовало бы тем минимальным требованиям, которые к нему предъявляются, – писал неизвестный благовещенский обыватель в 1908 году. – В городской управе нет кабинета для главы, комнаты для секретаря и бухгалтера, где они могли бы хранить документы, зато есть огромная комната для питья чая».

Через три года, когда городская библиотека переехала в бывший пансионат Алексеевской женской гимназии, помещение, которое она занимала, приспособили под зал думских заседаний. В южном конце зала был оборудован небольшой помост, где установили особый стол для членов городской управы и городского секретаря. Перед помостом в два ряда разместили столы для гласных, ещё два поставили для представителей местной печати. Часть зала отгородили барьером: это место отвели для публики.

«Почему публика не посещает думские заседания? – задаётся вопросом корреспондент газеты «Торгово-промышленный листок объявлений». – Вход разрешен всем без исключения. Нам кажется, присутствие публики в думской зале полезно и необходимо».

Как именно проходили заседания, живописал Фёдор Чудаков в апреле 1910 года на страницах газеты «Эхо» в стихотворении «В новой Думе».

У решетки дамы в шляпах
И мужчины в бородах.
Душный воздух, крепкий запах
(Зал Куртеевым пропах).
Над избранниками люстра
(Сила света – 200 свеч)
И Дулетов очень шустро
Произносит речь.
Этой речи златоуста
Я не в силах передать,
Потому что (будь ей пусто)
Я не мог её понять.
«Я, ты, он, они, мы сами,
Самый, каждый, всё и всех
(У Попова под усами
Притаился смех) –
Только старая управа
Пусть уходит от греха».

(Кто-то бойко крикнул «Браво!»
Кто-то бухнул «Ха-ха-ха!»).
Речь текла легко, как масло
Из бутылки – буль-буль-буль.
Люстра злилась, млела, гасла...
Но в итоге... нуль!

(Д.В. Дулетов – юрист, К.К. Куртеев – журналист, С.П. Попов – гласный городской думы).

Напрасно публика неохотно посещала заседания городской думы: довольно часто заседания проходили бурно, даже скандально – было на что посмотреть, а потом – обсудить.

Вот 16 мая 1909 года Ружицкий и И.А. Койо отказались от звания членов управы. Гласный С.П. Попов пожелал им счастливого пути. Публика заплодировала. Председатель заседания публику удалил. Некто Бабин при этом упорствовал, его пришлось вывести силой.

Иногда заседания думы бывали закрытыми, как 20 октября 1911 года, о котором рассказ корреспондент газеты «Эхо».

«В думе обсуждался вопрос о введении в городе института ночных сторожей. Городской голова объявил, что вопрос будет рассматриваться при закрытых дверях. Часть публики и гласных стали протестовать, но безрезультатно. Публике и газетным сотрудникам пришлось покинуть зал заседаний.

В перерыве сотрудники газет спросили гласных о причине. Те ответили, что причин к закрытому заседанию, на их взгляд, нет. Тогда сотрудники газет решили выразить свой протест устно. «В виду того, что закрытые думские заседания всё учащаются, мы, представители местной прессы, протестуем против тенденции городского головы скрыть работу городского самоуправления от взоров городского населения. Мы против закрытых дверей при рассмотрении вопроса о введении ночных сторожей, так как он затрагивает интересы широких слоёв населения».

Едва один из журналистов начал произносить это заявление (двери ещё были открыты), как городской голова его остановил и заявил: «Если кому-то решение не нравится, могут подавать жалобу начальнику области». После этого в знак протеста сотрудники газет покинули зал заседаний!

Время от времени происходили подобные эксцессы, но думцы и пресса всегда находили компромиссы, в том числе, чтобы оповещать жителей о таких важных событиях, как, например, обсуждение городского бюджета. 4 апреля 1908 года «Торгово-промышленный листок объявлений» опубликовал подробный отчёт с заседания городской думы, посвящённого этому вопросу. «Экономический кризис, полный застой в делах и безденежье привели городское самоуправление в пиковое положение. Городские недоимки растут и к настоящему времени составляют около 60 000 рублей. Многие гласные во время заседания раздражаются гневными филиппиками, обвиняя управу в мотовстве и нерасчётливости.

Гласный Е.И. Ефимов: «Рассорили городские деньги! Около 10 000 рублей растратили!»

Гласные, хором: «Это голословно! Ничего подобного!»

Гласный Е.И. Ефимов: «На непредвиденные расходы голове 1 000 рублей, доктору Чердынцеву на лечение – 1 200, на поездку городского головы в Петербург – 5 000 (ездил хлопотать о соединении Благовещенска с Амурской железной дорогой), И.В. Ельцову – 1 200 рублей за что?»

Представитель управы: «Нужно ещё до 25 000 рублей, а в кассе только 5 000. Нечем платить жалование служащим».

Гласный И.О. Мокин: «А кто поручится, что деньги не будут выброшены, как на «кузнечную канаву», колодцы, городские каменные ряды, которые теперь никуда не годятся – стены сложены без извести и грозят рухнуть?»

Гласный Э.И. Шеффер: «Откуда знает Мокин, что ряды рухнут? А если так, почему раньше не говорил?»

Настроение у гласных повышенное, все спорят, никто никого не слушает. Чувствуется сильный недостаток в энергичном председателе. Требуют позвать городского архитектора. Он не хочет оправдываться, а просит назначить комиссию, которая осмотрит каменные лавки и сделает доклад».

О том, как формировался бюджет города на 1911 год, читатели местных газет информировались самым подробным образом. Первоначально цифры были такими: доход 960 440 рублей, расход – 1 481 802 рубля, дефицит – 520 362 рубля. Дефицит был огромным. Чтобы как-то свести концы с концами, финансовая комиссия два месяца перекраивала бюджет, урезая, что можно. 28 марта 1911 года дума вновь обсуждала варианты бюджета. По ходу заседания гласный А.М. Клосс призвал не паниковать: «Доходы от электростанции, городских лавок и другие с лихвой покрывают расходы по займам. Надо не сокращать расходы, а искать возможность повысить доходы»; гласный Соколов заявил, что «надо экономить, резать и жить по средствам».

В итоге решили повысить доходы, а для этого:

- стоимость промысловых свидетельств увеличить с 7 700 до 8 000 рублей;
- процент сбора с лиц, состоящих на службе в предприятиях, «обязанных публичной отчётности», повысить с 5 000 до 8000 рублей;
- сбор с патентов заведений по продаже «питей» увеличить с 7000 до 8 400 рублей;
- сбор с перевозного промысла через Зею и Амур определить в 17 214 рубля;
- сбор с велосипедов и автоматических экипажей увеличить до 5 000 рублей плюс собирать по 25 копеек с каждого велосипедиста, задержанного без номера;
- усилить надзор за деятельностью аукционного зала, так как дохода от него мало;
- за землю под крыльцом брать с домовладельца вместо 1 000 рублей – 1 300 рублей;
- плату с палаток у зейского перевоза поднять с 2 000 до 2 500 рублей, с хлебных столиков на Гостинодворском базаре – с 6 000 до 8 000 рублей, с киосков – с 4 000 до 4 500 рублей;
- стоимость бечевника (места для паромных пристаней на Амуре в черте города) увеличить на 2 500 рублей;
- доход городской библиотеки запланировать в 700 рублей.

Расходы урезали, где могли:

- канцелярские и хозяйственные нужды управы (11 000 рублей) уменьшили на 800 рублей,
- содержание канцелярии думы и городской управы (32 710 рублей) – на 360 рублей,
- содержание торговых deputаций и полиции (5 610 рублей) – на 900 рублей,
- содержание помещения городского общественного управления (5 254 рубля) – на 1 255 рублей 28 копеек,
- содержание ночлежного дома (2 055 рублей) урезали на 455 рублей,
- содержание богадельни (6 000 рублей) уменьшили на 1 580 рублей с условием, чтобы тех, кто не принадлежит к составу местного населения, отправлять на родину;
- статистическое бюро упразднили вовсе.

Расходы на личный состав управы (15 600 рублей) пришлось увеличить на 2 400 рублей, так как к трём членам городской управы добавился ещё один сотрудник. Размер остальных статей расхода остался без изменений:

- содержание областного по городским делам присутствия – 960 рублей,
- содержание судебных учреждений – 900 рублей,
- содержание сиротского суда – 35 400 рублей,
- содержание почтово-телеграфной конторы в Призейском районе (восточная часть города, примыкающая к Зее) – 500 рублей,

- оплата городского архитектора, техников, десятников и др. – 12 000 рублей,
- оплата городского врача – 1 500 рублей,
- ассигнование Обществу попечения о подкинутых детях – 2 060 рублей,
- ассигнование Обществу трезвости – 1 150 рублей,
- ассигнование Обществу сестёр милосердия – 600 рублей,
- ассигнование городской больнице – 100 595 рублей 65 копеек плюс 1 000 рублей на выписку препарата «606» (этим новейшим препаратом лечили сифилис),
- ассигнование городским амбулаториям – 7 522 рубля,
- ассигнование родильному покою – 12 380 рублей,
- на пособие едущим в Пастеровскую станцию во Владивосток – 500 рублей (туда отправляли горожан, покусанных бешеными собаками),
- на содержание санитарного надзора – 8 160 рублей,
- на содержание ветеринарного надзора – 3 360 рублей,
- на восемь общественных ретирад (уборных) – 2 100 рублей,
- на микроскопическую станцию – 4 358 рублей,
- на городские свалки нечистот – 1 700 рублей,
- на расходы по прекращению эпидемических заболеваний – 1 310 рублей,
- на мероприятия по борьбе с чумой – 10 000 рублей,
- на расходы по борьбе с эпизоотиями – 11 000 рублей,
- на содержание скотского кладбища – 800 рублей.

Только в конце апреля была утверждена городская смета на 1911 год: доход 907 548 рублей 63 копейки, расход 1 368 462 рубля 37 копеек, дефицит 46 0913 рубля 74 копеек (дефицит 1911 года составил 40 303 рубля 80 копеек). Расходы увеличились из-за борьбы с чумой (1910) и долгов прошлых лет. Все признавали, что «текущий год окажется, вероятно, одним из самых тяжёлых». Интересно, что бюджет Благовещенска за предыдущие пять лет увеличился на 238 %, то есть почти в три с половиной раза. За это же время бюджет Владивостока вырос на 111 %, Хабаровска – на 121 %, Томска – на 85 %, Иркутска – на 65 %, Красноярска – на 147 %.

Главной статьёй доходов были городские сборы. Сведения о них тоже можно узнать из местных газет. В январе 1910 года газета «Амурский край» опубликовала аналитическую заметку о налогах. «Штат служащих управы увеличился и сбор налогов стал эффективнее. За клеймение весов сбор вырос почти в 20 раз – с 54 до 955 р. Ранее одни торговцы платили за клеймение мер и весов, другие не платили, теперь платить стали все. Содержатели трактиров и постоянных дворов постоянно жалуются на налоги и постоянно открываются новые трактиры и дворы. Сбор с них увеличился с 8 791 до 20 990 р. Заведений стало больше и собирать трактирный сбор стали лучше. Со скотобойни в четыре раза больше собирается, мясо при этом подешевело, а ведь раньше побойка производилась на стороне и совсем избегала налога.

Главный сбор недоимок – с недвижимого имущества. Общая сумма оценочного сбора в 1905 году – 11 658 р., в 1908 году – 140 194 р. Строят много. После японской войны население увеличилось: из Манчжурии наплыв населения был очень велик. Квартыры в цене так повысились, что управа оказалась вынуждена отвести под застройку несколько новых кварталов в Забурхановской слободе, а затем ещё целую новую слободу. Эти районы быстро застроились и увеличили общую сумму оценочного сбора. Изменилась система налогообложения. Раньше за строение по материальной стоимости платили, а оно, может, и не приносило дохода. Решили оценивать по количеству земли. Эта мера ввела некоторую уравнительность. Город разбит на районы. Земля оценена по-разному – от одного до 10 р. за квадратную сажень».

Некоторые сборы, которые платили в те времена благовещенцы, выглядят экзотично. Например, плата за устройство крыльца. Каждый раз, когда хозяева какого-нибудь строения желали соорудить «крылечный выступ на улицу», они обязаны были подавать прошение в думу. Размер платы за землю под крыльцом высчитывался индивидуально. В апреле 1909 года

содержатель гостиницы «Гранд-отель» запросил разрешение на строительство двух боковых веранд перед домом. Дума отправила представителя, тот всё измерил и постройку разрешили на площади восемь квадратных саженей с платой по 10 рублей за квадратную сажень. Дополнительный вход в дом Алексеева по Благовещенской улице, между Зейской и Амурской, разрешили устроить по цене пять рублей за квадратную сажень.

11 декабря 1909 года городская дума постановила обложить сбором в пользу города вывески, перекинутые через улицы и тротуары. По Большой улице, от Офицерской до Станичной, и по улицам, обращенным к городским базарным площадям, следовало платить по три рубля за квадратный аршин вывески в год, по остальным улицам – один рубль с квадратного аршина в год.

Одной из существенных статей расходов были суммы на содержание канцелярии думы и городской управы. Но, надо сказать, что жалование (так тогда называли зарплату) городских служащих было вполне адекватным. В Государственном архиве Амурской области хранится «Книга выдачи жалования служащим городской управы за 1892 г.» Против каждой фамилии проставлена сумма и расписка в получении.

Январь 1892 года.

Городской голова Ефимов – 200 рублей.

Члены управы Павлов П.Я., Попов П.П., Осолов Н.Г. – по 100 рублей.

Секретарь и бухгалтер – по 125 рублей.

Служащие в канцелярии городской управы Каюков А.И. – 60 рублей, Файнберг В.Д., Абальзамов Н.И., чертёжник и эконом – по 50 рублей, Кудреватых – 40 рублей.

Базарный староста Кувшинов, городские объездчики Громылин и Панков – по 20 рублей.

Сторож при монументе (в честь подписания Айгунского договора) Николай Денисов – 8 рублей.

Сторожа и рассыльные городской управы: Козырев Степан – 35 рублей, Солохин Иван – 30 рублей, Решетников Александр – 25 рублей.

Учителя первой народной школы Карелкин Ил. Ив. и Никитин С.И. – по 25 рублей.

Сторож первой народной школы и сторож второй народной школы Мурзин – по 25 рублей.

Ветеринарный врач – 50 рублей, ветеринарный фельдшер – 45 рублей.

Смотритель бойни М. Швецов – 45 рублей, сторож при бойне – 15 рублей.

Береговой надзиратель Кровецкий – 35 рублей.

Городской врач – 125 рублей, городской фельдшер С. Авраменко – 25 рублей.

Брандмейстер Гесс – 60 рублей.

Библиотекарь – 30 рублей.

Члены сиротского суда Павлов П.Я. и Подмогаев В.М. – по 25 рублей, секретарь сиротского суда – 60 рублей.

Пенсия семейству умершего секретаря Лебедева – 10 рублей.

Содержание кладбищенской церкви: жалование трём смотрителям – 45 рублей, квартирные священнику – 25 рублей, квартирные дьякону – 15 рублей, двум псаломщикам – по 20 рублей.

Сторож при павильоне – 15 рублей (какой именно павильон имелся в виду, неизвестно).

В марте библиотекарю Калюжному А.А. увеличили оклад до 50 рублей, а пенсию семье Лебедева уже не платили. Вольнонаемным служащим городской управы к Пасхальным праздникам выдали наградные: Каюкову А.И. и бухгалтеру Голубеву И.О. – по 40 рублей, Файнбергу В.Д., эконому Прудаеву И.А., брандмейстеру Гессу С.К. – по 25 рублей, чертёжнику Антуфьеву К.А. и библиотекарю Калюжному А.А. – по 20 рублей.

Следующие наградные служащим канцелярии городской управы были выданы к празднику Рождества Христова: Каюкову и бухгалтеру – по 45 рублей, Файнбергу и Абальзамову –

по 35 рублей, фельдшеру Авраменко, ветеринарному фельдшеру, чертёжнику Назарову И.И., эконому Будаеву, брандмейстеру Гессу, библиотекарю – по 25 рублей, береговому надзирателю – 60 рублей.

Странно, но городскому голове и членам управы наградных не платили. Во всяком случае, в «Книге выдачи жалования...» никаких записей об этом нет.

В октябре 1912 года всезнающая газета «Эхо» поместила заметку на тему жалования: «Товарищеские отношения служащих городской управы грозят испортиться. Дело в том, что пяти служащим управы сделана прибавка к жалованию, а остальные остались на прежних окладах. Счастливыми оказались А.А. Нилов, П.Н. Зарубин, Н.И. Пирожников. Им сделана прибавка по 25 рублей в месяц, Н.Н. Вьюнову и В.Г. Бондаренко – по 10 рублей. Остальные служащие таким предпочтением, конечно, остались крайне недовольны и подают коллективное заявление в думу с просьбой прибавки всем служащим, раз управа нашла возможность сделать прибавку некоторым, работающим не больше других».

В ходе думских заседаний обсуждались не только глобальные вопросы городской жизни, но и частные прошения о пособиях, выплатах разным лицам по разным поводам. Однажды кассир управы Ефремов просил отпуск по болезни на четыре месяца, с сохранением содержания.

Гласный Власов: «Ефремов служил продолжительный срок и служба его сложная».

Разные голоса гласных: «Он состоит в артели и получает жалование там»; «Управа – не богадельня»; «Пора отучить служащих от выдачи вспомоществования».

Гласный Коротаев: «Мои служащие получают меньше жалования и живут припеваючи, позволяя себе выпивки и гулянки. Служащие должны делать сбережения и рассчитывать на себя».

Отпуск кассиру Ефремову дали, но без содержания.

Просьбу фельдшера городской больницы Г.М. Калашникова о выдаче ему ссуды в размере 150 р. на воспитание детей дума «разрешила в благоприятном смысле».

Вдова рабочего Власова, умершего во время работы на электрической станции, просила выдать единовременное пособие в 2 000 рублей. В прошении было отказано, так как «страховое общество будет платить пособие вдове до смерти или до замужества, а детям – до 18 лет».

В.П. Соколов просил добавить по пять копеек за пуд сена, которое он поставляет для городского обоза. При рассмотрении просьбы выяснилось, что «Соколов был не совсем чистосердечен». Уверял, что из 16 000 пудов не доставил только 2 000, на самом деле – 9 000. В просьбе Соколову отказано.

Бывшему рассыльному городской управы Сюткину решено выдать 500 р. пособия за его 35-летнюю службу.

Сторожу городской управы Петру Кобзарёву дума разрешила двухмесячный отпуск с сохранением содержания и выдала ссуду в 100 рублей.

Более шести лет городским базарным старостой проработал И.М. Гостев. После его смерти вдове, которая осталась с двумя детьми, управа выдала на похороны пособие в 100 рублей.

Летом 1910 года в управу обратилась заведующая Ольгинской школой Ю.Ф. Мицеловская с прошением предоставить ей отпуск на год и выплатить пособие в 900 рублей. Ничего особенного в этом прошении не было: некоторые городские служащие получали отпуска с сохранением жалования сроком даже на два года. Управа постановила пособие Мицеловской выдать.

Решение пошло по инстанции – в Амурское областное по городским делам присутствие. Там вопрос рассмотрели довольно оперативно, но обратили внимание на особое мнение гласного благовещенской думы Г.К. Новосёлова. Что это было за мнение, установить не удалось,

но именно из-за него в присутствии пришли к заключению, что выдача пособия Мицеловской является замаскированным пособием политическому ссыльному!

Дело в том, что муж просительницы – С.Ф. Мицеловский, служащий Благовещенской почтово-телеграфной конторы, был председателем стачечного комитета почтово-телеграфных служащих в дни революции 1905 года. Его осудили на шесть лет каторжных работ, потом сослали в Якутию. Юлия Францевна последовала за мужем в добровольную ссылку. Для этого она и просила отпуск и пособие.

В Амурском областном по городским делам присутствии постановление Благовещенской думы признали не соответствующим «общим городским пользам» и решили передать прошение дальше, в министерство внутренних дел империи.

Какое решение стало окончательным, неизвестно. С.Ф. Мицеловский, отбыв ссылку, вернулся в Благовещенск и служил в местном отделении Сибирского банка. Юлия Францевна служила начальницей Ольгинского училища и в 1912 году.

...В дореволюционной России было множество праздников. В календарях они отмечались как неприсутственные дни: Новый год, Крещение Господне, Дни страстной седмицы и другие православные праздники; даты, знаменательные для Царствующего дома, – дни рождения, коронование, тезоименитства; кавалерские праздники – общие праздники кавалеров того или иного ордена. Кроме официальных всероссийских были и местные праздники. В Благовещенске это день Албазинской иконы Божией Матери (9 марта), день преподобного Алексия, человека Божьего – войсковой праздник Амурского казачьего войска (17 марта), день избавления от осады Благовещенска в 1900 году (20 июля) и другие.

День города. Из местных праздников до нас «дожили» только два – день Албазинской иконы Божией Матери и день рождения Благовещенска. В 1908 году город отмечал полувековой юбилей (со дня подписания императорского Указа). 15 мая гласные думы обсуждали устройство праздника.

Первым делом вспомнили, что уже несколько лет город ходатайствовал о перенесении останков графа Н.Н. Муравьёва-Амурского в Благовещенск с тем, чтобы поместить их в часовне, которую специально для этого планировалось выстроить на Никольской улице или на Чуринской площади. Ходатайство не было удовлетворено, так что часовню сооружать не было необходимости. Другие предложения по поводу празднования полувекового юбилея города были не очень оригинальными.

Гласный В.А. Бородин: «Молебствие провести и привлечь войска» (чтобы прошли парадом).

Гласный С.П. Попов: «Устроить бесплатный обед для бедных».

Гласный Ю.Г. Свидерский: «Провести торжественное заседание думы, прочитать лекцию об истории Приамурья, послать приветственные телеграммы сподвижникам Николая Николаевича Муравьёва-Амурского Якову Парфентьевичу Шишмарёву и Петру Алексеевичу Кропоткину».

Решили: 21 мая провести заупокойную панихиду и молебен в Никольской церкви, торжественное заседание думы – в Общественном собрании, там же устроить торжественный обед с почётными гостями; отправить телеграммы сподвижникам Н.Н. Муравьёва-Амурского; учредить стипендию в 3000 рублей «путём ежегодного взноса 500 рублей сложения недоимок»; организовать катание учащихся на пароходах.

Празднование прошло, как и задумали. После заупокойной панихиды и торжественного богослужения в Никольской церкви в её ограде заложили часовню (возможно, речь идёт о часовне, которую предлагалось построить на Чуринской площади, уточнить пока не удалось). Затем – торжественное заседание, во время которого вся дума заседала на сцене театра Общественного собрания, украшенной флагами и портретами Н.Н. Муравьёва-Амурского. Обед для

приглашенных лиц накрыли в саду Общественного собрания. Во время обеда провозглашали тосты и говорили речи.

Присяжный поверенный А.А. Баев в своём выступлении указал на отсутствие на обеде военных и духовенства (странно, что их не было в числе почётных гостей): «Край завоёван не мечом и не религией, так что отсутствие этих начал здесь не особенно заметно».

Владелец гостиницы и пивоваренного завода «Россия» К.И. Августовский поднял вопрос об учащейся молодёжи и во время обеда собрал 400 рублей в пользу Амурско-Приморского землячества студентов.

Доверенный торгового дома «Кунст и Альберс» К.И. Клосс поднял бокал за тех лиц, которые в 1900 году грудью встали на защиту родины.

По окончании обеда участники снялись на фото в общей группе.

По случаю праздника в саду Общественного собрания было довольно много публики. Играл оркестр казачьей музыки. Над городом летал на воздушном шаре воздухоплаватель Густав Глеклер.

В тот же день в Париже, на кладбище Монмартр явились два делегата от Благовещенской городской думы. Одним из них был золотопромышленник П.И. Пахолков. Он лично знал графа Н.Н. Муравьёва-Амурского, путешествовал вместе с ним в конце 1850-х годов по Приамурью, совсем дикому тогда краю. Другой делегат – компаньон-распорядитель торгового дома «И.Я. Чурин и Ко» А.В. Касьянов. К могиле графа Н.Н. Муравьёва-Амурского делегатов сопровождали несколько членов русской колонии, представители некоторых русских газет, причт русской церкви с хором. Отслужили панихиду. Великолепное пение хора собрало вокруг немало французских посетителей кладбища.

П.И. Пахолков и А.В. Касьянов возложили на роскошно украшенную цветами могилу графа два венка: серебряный на бархатной доске с надписью на ленте «Основателю Благовещенска – благодарные граждане», бронзовый венок на бронзовой доске – от жителей Хабаровска, Владивостока и Никольска-Уссурийского. А.В. Касьянов выразил пожелание, чтобы «прах покойного был перевезён с чужбины в тот край, который обязан ему своим существованием».

Со стороны кажется, что празднование прошло достойно, а редактору-издателю газеты «Амурские отголоски» И.О. Мокину что-то не понравилось. Что именно, узнать не получается – «Амурские отголоски» не сохранились, а вот о последствиях выступления Мокина известно. «Торгово-промышленный листок объявлений» рассказал об этом 6 июня 1908 года: «Постановлением Приамурского генерал-губернатора за статью «50-летний юбилей Благовещенска» и за фельетон «Напевы» редактор-издатель газеты «Амурские отголоски» И.О. Мокин оштрафован на 500 рублей с заменой в случае несостоятельности арестом на три месяца». Иван Осипович был богат и, наверное, не пошел в тюрьму, а заплатил штраф.

В дни празднования благовещенского юбилея в Хабаровске кто-то облил памятник графу Н.Н. Муравьёву-Амурскому разъедающей жидкостью. Злоумышленника не нашли, причин его поступка не выяснили, а камень пришлось отмывать и полировать. Реставрацию выполнили итальянские мастера и взяли за работу 500 рублей.

50 лет освобождения крестьян. В 1911 году по всей стране широко праздновали 50-летие освобождения крестьян от крепостной зависимости. Благовещенская городская дума утвердила план торжеств в таком виде: открыть школу имени Царя-освободителя; ассигновать ежегодно 400 рублей на стипендию для продолжения образования лучших учеников начальных училищ из беднейших крестьян и мещан; открыть подписку на образование второй такой же стипендии; отпустить бесплатно электроэнергию иллюзионам для специальных сеансов для учеников.

100-летие Отечественной войны 1812 года. Накануне празднования знаменательной даты было принято предложение управы назвать в память войны одно из районных городских училищ; заложить в день Бородинской битвы, 26 августа, новое здание районного училища по

Иркутской, между Безымянной и Артиллерийской (его потом и назовут в честь победы в Отечественной войне 1812 года); иллюминировать и украсить город флагами. Предложение управы об учреждении двух стипендий отклонено большинством гласных: 20 против 14.

300-летие царствования Дома Романовых. На бывшей Корсаковской улице Благовещенска стоит красивое здание бывшего городского училища «В память 300-летия царствования Дома Романовых». За три года до юбилея Фёдор Чудаков напечатал в газете «Эхо» заметку «Лучший памятник», а в ней изложил свои соображения.

«По поручению городской думы городская управа должна была заняться разработкой вопроса «О чествовании 300-летнего юбилея воцарения Дома Романовых». Само собой разумеется, что вопрос о чествовании уже решенный вопрос и нас главным образом интересует способ чествования, который выберут управа, а затем и дума. Вне всякого сомнения, конечно, что на это чествование будет ассигнована соответствующая сумма. Заранее можно сказать и то, что сумма эта будет порядочная.

На какие же цели уйдёт эта сумма? Что сделает дума, чтобы отпраздновать юбилей Царственного Дома?

Будет ли это пышный трескучий фейерверк, мимолётный, красивый, но бесполезный?

Будет ли это именинный обед с шампанским и прочими возлияниями, сытный, весёлый, торжественный, но бесплодный?

Или же дума сделает что-то другое – прочное, долговечное, полезное?

Мы этого не знаем.

Но мы знаем, что у нас есть право, чтобы городские деньги служили нуждам города.

У нас есть право требовать, чтобы во всяком национальном торжестве, празднуемом на наши деньги, участвовали все плательщики.

И так как это наши права, в частности, моё право, то, да позволено мне будет предложить вниманию городского самоуправления следующий способ чествования названного юбилея: на ассигнованные для торжества деньги должна быть выстроена хорошая школа!

Это будет лучшим памятником, лучшим употреблением юбилейных денег.

Для увековечения случая, послужившего поводом и основанием такой школы, можно было бы назвать её в честь Царственного Дома – «Романовскою».

Это будет если не вечный, то долговечный памятник, достойный нации, вступившей на путь культурного развития».

Очень хочется думать, что именно благодаря этой заметке появился «лучший памятник». 17 июля 1911 года прошла церемония закладки училища «В память 300-летия царствования Дома Романовых». При этом торжестве присутствовали генерал-губернатор Приамурья шталмейстер Н.Л. Гондатти, военный губернатор Амурской области А.М. Валуев, вице-губернатор А.Г. Чаплинский, городской голова П.П. Попов и много членов военного и гражданских ведомств. Первых учеников в новое училище стали записывать 28 августа 1912 года, а 1 сентября начались занятия.

Школы, пожалуй, лучшие из памятников: никому в голову не придёт их сносить, как в лихие годы по всему миру сносят скульптуры, монументы, снимают мемориальные доски.

Прибытие цесаревича. Одним из местных городских праздников был день посещения Благовещенска цесаревичем Николаем Александровичем в 1891 году.

4 июня 1891 года к почтовой пристани причалил пароход «Граф Н.Н. Муравьёв-Амурский». С него сошел цесаревич Николай Александрович, поднялся по лестнице и прошел под Триумфальной аркой. Через три года он станет императором России. В 26 лет!

Здесь необходимо пояснение. В 1890 году наследник российского престола Николай Александрович окончил обучение по программам двух университетских факультетов – юридического и экономического, и по программе Академии генерального штаба. По традиции цесаревичи, начиная с Павла I, завершив курс наук, отправлялись в путешествие по России и

Европе. Император Александр III отправил сына Николая на Восток. Это была не прогулка, а важнейшая государственная миссия. Таким образом Россия заявляла о своих интересах в Юго-Восточной Азии и демонстрировала военную мощь: цесаревич путешествовал на одном из самых современных кораблей того времени – крейсере «Память «Азова». Путешествие началось 23 октября 1890 года. Цесаревич посетил Египет, Индию, Таиланд, Китай, Японию. 11 мая 1891 года он прибыл во Владивосток. Началось трёхмесячное путешествие на запад, до Петербурга.

Всего на пути цесаревича по России было около пятидесяти остановок. Всё необходимое для путешественника на местах подготовили за пять месяцев. Расходы оплачивало министерство императорского двора. Авансом.

Что требовалось от местных властей, в том числе от благовещенских? Обеспечить безопасность, нанять пароходы для передвижения по рекам и озеру Байкал, нанять рессорные коляски для передвижения по суше, организовать ночлег в местах остановок, наладить снабжение продуктами. Оговаривалось, кстати, что для завтраков цесаревича и его свиты (в свите князя Э.Э. Ухтомский, В.С. Кочубей, Н.Д. Оболенский, В.А. Барятинский, адмирал В.Г. Басаргин) достаточно иметь чёрный хлеб, яйца, молоко и квас.

В каждом городе или селении к приезду цесаревича приурочивали значимые события. Во Владивостоке Николай Александрович участвовал в закладке крупнейшего сухого дока для ремонта кораблей и восточного участка Транссибирской магистрали (от Владивостока до Хабаровска, который тогда, хоть и в статусе города, назывался, как деревня – Хабаровка). В Хабаровке цесаревич открыл памятник Н.Н. Муравьёву-Амурскому (деньги на памятник собирали всем миром, почти половину суммы дал Благовещенск, но хабаровчане уже тогда были более амбициозными и добились того, что памятник установили у них).

Программы встреч цесаревича в разных местностях были разными, но два момента всюду были одинаковыми: в его честь сооружались триумфальные арки и дорожному гостю подносили хлеб-соль. Блюда для караваев после возвращения цесаревича выставляли в Эрмитаже: были среди них фарфоровое, кленовое, ореховое, яшмовое, большинство – серебряные. В Благовещенске от городской управы, от земства, от Амурского казачьего войска цесаревичу подносили хлеб-соль на серебряных блюдах, а от Верхне-Амурской и Зейской золотопромышленных компаний – на золотом.

Цесаревич на подарки тоже не скупился. В книге князя Э.Э. Ухтомского «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича» описывается один из таких эпизодов: «10-летний казачонок станицы Поярковой Влас Тюменцев очень ловко джигитовал, стоя на голове в седле. Цесаревичу понравилось. Он одарил Власа». Как пишет князь Ухтомский, у мальчика «рученьки были полные серебряными рублями, сколько смог взять».

Царские подарки – это крупные денежные суммы частным лицам «за усердие», пожертвования на храмы, монастыри, учебные заведения, библиотеки, музеи, это золотые с бриллиантами перстни, часы, заколки – мужчинам, серьги и броши – дамам, наперстные кресты и панагии – священнослужителям. Невероятное количество невероятно дорогих подарков.

Как заказывали блюда для подношения хлеба-соли цесаревичу, так и триумфальные арки на пути его следования строили не по указанию сверху – по собственной инициативе, на свой вкус, в соответствии с возможностями. Во Владивостоке выстроили каменную арку в русском стиле. В Никольске-Уссурийском до 30-х годов стояла грандиозная арка-часовня. В Хабаровке соорудили три арки: на берегу Амура, на главной городской площади и в корейской деревне. Все – деревянные.

Благовещенская арка – классическая триумфальная. Строили её по проекту и под контролем областного архитектора И.И. Буковецкого. Поставили арку на том месте, где генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьёв вышел на берег, привезя Айгунский договор. Это было в 1858 году. Его встречали горожане и архиепископ Иннокентий (Вениаминов).

4 июня 1891 года цесаревича встречала толпа в тридцать тысяч человек! Он прибыл в час дня: дата и время были запланированы за полгода до приезда; график выполнялся по минутам: в час пятнадцать Николай Александрович был уже в кафедральном соборе.

В Благовещенске цесаревич побывал в нескольких храмах, мужской и женской гимназиях, духовной семинарии. Вечером в Общественном собрании (здание построено в 1889 году) он присутствовал на концерте и пил чай. Ночевал цесаревич в доме генерал-губернатора. На следующий день он побывал в расположении войск Благовещенского гарнизона. Уезжая из города, Николай Александрович вновь прошел через Триумфальную арку.

«При залпе батарей, звоне колоколов, громком «Ура!» пароход «Вестник», на котором отбыл высокий гость, прошел вдоль берега малым ходом, – описывает очевидец прощание горожан с цесаревичем. – «Вестник» сопровождали десять роскошно украшенных пароходов, полных народа. Массы китайцев облепили противоположный берег. Пароходы провожали «Вестник» до Марково, где цесаревич вышел на берег, чтобы посетить открывшуюся ремесленную школу». Встречу в Марково описывает князь Э.Э. Ухтомский: «Вся масса бывших на пароходах, соединилась на берегу, всё слилось в одно целое, всё было проникнуто одним желанием: увидеть цесаревича поближе – в последний раз!»

...До установления советской власти дни пребывания наследника в городах и сёлах России отмечались, как местные праздники. Во Владивостоке их было два: 11 мая – день приезда цесаревича и 21 мая – день его отъезда.

В Благовещенске каждый год 4 июня частные дома и учреждения украшали государственными флагами. На Соборной площади служили молебны. После молебна проходили парадом войска. Вечером устраивали иллюминацию: сначала факелами и плошками, с 1908 года – электрическими лампами. У Триумфальной арки в этот день выставлялся военный караул.

В 1900 году, в дни бомбардировки Благовещенска со стороны Китая, четыре снаряда попали в арку, но вреда они не нанесли.

Верхне-Амурская и Зейская золотопромышленные компании к приезду цесаревича в специально построенном павильоне устроили выставку. Царственному гостю показывали модели оборудования, работающего на приисках, образцы минералов, самородки и золотые слитки. Позже владельцы приисков подарили городскому самоуправлению экспонаты выставки (кроме золота). Эти модели и образцы положили начало Амурскому областному краеведческому музею. Красивый, будто из сказки, павильон одно время стоял на городском бульваре. В нём торговали пивом.

Так всегда бывает – после праздников наступают будни. В документах городской думы Триумфальную арку называли просто – каменные ворота. В будни вокруг неё текла обычная жизнь. «Не имеющие пристанища нашли себе укромный уголок для жилья под лестницей против Триумфальной арки», – писала газета «Эхо» в 1908 году. А вот как описывал благовещенскую идиллию «Торгово-промышленный листок объявлений» в 1909 году: «Под Триумфальной аркой играют в орлянку, а блюститель порядка сидит на перилах набережной, бесстрастно вылуцивает семечки и слушает граммофон с «Авроры».

В 1928 году на Амуре было такое мощное наводнение, что лодки плавали по Американскому переулку, арка погрузилась в воду метра на полтора. Но устояла, не разрушилась!

В 1936 году арку снесли, как сносили в те времена всё, что напоминало о Российской империи.

...Вопрос о восстановлении Триумфальной арки депутаты Благовещенского горсовета впервые подняли в 1991 году. Инициатором и двигателем восстановления стал А.В. Телюк, тогда – депутат горсовета. Многие посчитали идею несвоевременной: предприятия закрыты, работы нет, денег нет, выживали за счёт народной торговли с Хэйхе и Благовещенск называли Адидасовском.

Вновь к этому вопросу вернулись в 2003 году и вновь по призыву А.В. Телюка. Времена были уже другие: появились предприятия и организации, которые вполне эффективно действовали, появились предприниматели, готовые жертвовать на благое дело очень крупные суммы. Много денег на восстановление арки собрали рядовые горожане. Архиепископ Благовещенский и Тындинский Гавриил благословил начинание и стал душой стройки.

Проект Триумфальной арки разработал архитектор В.Я. Сикерин. В его распоряжении не было никаких чертежей, только фотографии. По ним он восстановил параметры арки и детали декора, а затем создал проект.

Начальник «Мостоотряда-64» А.В. Шишкин предложил за счёт предприятия сделать фундамент, а это самая дорогая часть работ. Когда мостовики бурили шурфы, они попали точно в старый фундамент, и новая арка стоит там же, где стояла прежняя.

Строительные, монтажные и отделочные работы вела крупнейшая в то время фирма города – «Россия». Её генеральным директором был М.В. Корнеев.

Иконы для арки решили делать керамическими, чтобы на века, и установить на северной стороне икону Благовещения Пресвятой Богородицы (такая же стояла в 1891 году), а на южной – икону царя-мученика Николая II (в 1891 году на арке была икона Николая Чудотворца). Изготовил иконы благовещенский художник-керамист П.Г. Зайцев.

Гербы России, венчающие два шатра, – потрясающе тонкая работа: каждое перо крыльев двуглавых орлов, каждый рубин на коронах сделаны так, будто их будут разглядывать вблизи, хотя они установлены на высоте восемнадцать метров. Изготовили гербы чеканщик Ю.А. Чубенко, кузнец С.П. Козлов, столяр А.В. Рой.

Торжественное открытие восстановленной арки состоялось 4 ноября 2005 года, когда в первый раз в России отмечали День народного единства. Это был уникальный случай в новейшей истории Благовещенска: на площади собрались горожане (не по разнарядке – по доброй воле), присутствовали городские власти, духовенство, военные. Это был действительно момент искреннего единения...

Прошло несколько лет, и благовещенская Триумфальная арка стала одним из символов Дальнего Востока. Рассказ о ней я хочу завершить прекрасным стихотворением, которое написал благовещенский доктор, художник и поэт Н.Р. Левченко.

Город выгнут дугою
от парка до парка,
А над городом гордо –
Триумфальная арка.
Чтобы каждый, пришедший сюда,
поднял голову выше,
Чтобы, голову, подняв,
увидел, услышал:
Не страна дураков
и не сброд недоумков,
Мы – Народ, тот, кто выстрадал
столько триумфов –
И такую ценой, что никто не изведal, –
Но с триумфом
шагнувший
на площадь Победы!
Думские хроники

По материалам газет «Амурский листок», «Амурская газета», «Торгово-промышленный листок объявлений», «Эхо» за 1902-1912 годы.

1902 год. «8 мая экстренное заседание думы. Вопрос один: о принятии мер против затопления города. Возможно, будет, как в 1872 году, когда по базарной площади свободно ходили маленькие пароходы. На базарную площадь против Чурина через водосточную трубу уже заплывает рыба (довольно порядочные сомы) и приказчики её ловят. Говорят, залиты многие посёлки по Амуру, снесены дрова для пароходов».

1905 год. «20 ноября в городской управе сбор чиновников всех ведомств для выяснения правовых отношений к акту 17 октября и решения профессиональных вопросов. Желательны доклады. Особых приглашений не будет»; «Городская управа просит чиновников прийти не к 11, а в три часа дня, так как в 10 часов помещение предоставлено Союзу рабочих».

1908 год. «26 октября военный губернатор Амурской области утвердил обязательное постановление, согласно которому при разного рода объявлениях, вывесках, извещениях, написанных на иностранных языках, рядом с иностранным текстом надлежит непременно иметь точный русский перевод»; «Думский зал залит электричеством, а у подъезда управы и на дворе продолжают уныло мерцать керосиновые фонари. Сразу видно, что горят не для света, сколько по традиции: забыли написать надлежащее отношение, вот и горят»; «Постановлением городской думы 22 августа переулку, заключённому между первым и вторым новыми кварталами, с одной стороны, и улицами Кузнечной и Театральной – с другой, присвоено наименование Технического переулкa»; «Городовые 2-го полицейского участка с их семьями находятся в самых скверных квартирных условиях. В одной половине живёт лишь старший городской, в другой – пять городских с семьями, 25 человек. Площадь одинаковая. Ночью детишки спят на полу, кровати стоят так тесно, что не пройти. Дума ответила, что кредита на увеличение помещения для семейных городских не имеется».

1909 год. «Арендаторы рыболовного участка на Амуре против Бурхановской улицы просят управу о возвращении платы за аренду: им мешают ловить рыбу и контрабандисты, массами переходящие здесь Амур, и таможенные стражники, с которыми постоянно возникают недоразумения».

1910 год. «17 декабря в думе прозвучал вопрос: на каком основании возле Троицкой церкви устраивается кладбище? Говорят, что двое уже похоронены»; «Гласный думы, доверенный страхового общества «Саламандра» И.А. Койо после месячного отсутствия по делам вернулся в Благовещенск. В Москве, Петербурге, Берлине, Гельсингфорсе, Гамбурге он ознакомился с устройством водопровода, канализации, электрического освещения и трамваев. В Москве и Гамбурге им были осмотрены скотобойни».

1911 год. «В связи со вступлением в должность городского главы П.П. Попова В.В. Лукин сложил с себя полномочия гласного и отказался от участия в городских комиссиях»; «Государь Император, согласно ходатайству Благовещенской городской думы, выразил согласие на присвоение бывшему Приамурскому генерал-губернатору, члену Госсовета, сенатору, инженеру-генералу П.Ф. Унтербергеру звания Почетного гражданина города Благовещенска»; «На заседании думы рассматривался вопрос о бесплатном отпуске электроэнергии трехклассному училищу и женской гимназии. Руководствуясь тем, что при бесплатном отпуске электрической энергии её не берегут, было решено для городского училища отпускать электричества на 36 р. в год, ходатайство гимназии отклонить»; «Благовещенская городская управа доводит до сведения жителей города, что порубка деревьев и кустарников на городских дачах строго воспрещается».

1912 год. «Благовещенск прославился. Батумская городская управа, получив отчёт об исполнении сметы города Благовещенска, поражена образцово поставленным счетоводством. Желая поставить дело так же, как у нас, эта управа обратилась с просьбой к городскому голове выслать ей инструкции по счетоводству, формы книг и всё, что положено в основу бухгалтерского дела. Расходы, вызванные этой посылкой, Батумская управа принимает на себя»;

«Городской управой решено заменить существующие уличные надписи эмалированными. С этой целью управление заказало торговому дому «Небель и Ко» 1 102 таких надписей».

1916 год. «На последнем заседании городской думы разъяснено, что домовладельцы Большой улицы – от Станичной до Офицерской – обязаны устроить палисадники. Устройство палисадников в других частях города признано только желательным»; «Магометанское общество просит городскую думу взять на содержание их школу. Членов общества 127. Из 3 300 рублей, необходимых на содержание школы, они платят 2 400 рублей. Детей в школе 40».

Гласные городской думы нередко слишком много времени тратили на пустые прения, лоббировали интересы миллионщиков (сами же ими и были), бывало, нерационально расходовали городской бюджет... Но в экстремальной обстановке революции и Гражданской войны 1917-1922 годов члены городского самоуправления (среди них было немало вчерашних думцев) показали себя с самой лучшей стороны. В начале 1918 года они создали в Сахалине (так тогда назывался Хэйхе), по сути, «самоуправление в изгнании», взвалив на себя заботы об устройстве жизни бежавших за Амур благовещенцев. А затем – после возвращения из-за Амура, до бегства японских интервентов – руководили хозяйством Благовещенска. Что мешало им в неразберихе тех лет поделить городскую казну и скрыться в неизвестном направлении? Ответ: честь, чувство долга и ответственности, надежда на возрождение Родины.

ГОРОДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Пыль, лужи, навоз – Шоссировка улиц и мосты – Ассенизация – Водопровод – Новые кварталы – Пожарный обоз и пожары – Пожар в Сахалине – Пожарные хроники

Благовещенск в начале двадцатого века – это четыре улицы вдоль Амура и 22 улицы, расположенные перпендикулярно реке. Границы города с севера, востока и юга – это Зeya, Амур и Бурхановка, на западе он заканчивался «возле гор». Крайней городской улицей на севере была Иркутская. Дальше простирался район, который называли Новые кварталы.

Проблемами благоустройства городское правление занималось с переменным успехом, но систематически и именно в пределах города (Новые кварталы жили несколько обособленно). Проблем в городском хозяйстве было множество.

Пыль, лужи, навоз

От пыли Благовещенск страдал в бесснежные зимы и особенно – засушливым летом. «Торгово-промышленный листок объявлений» 10 июня 1909 года в который раз указывал: «Пыль ужасная. Вечером, когда пригоняют стадо, дышать и смотреть вдаль невозможно». В 1911 году дума решила «провести опыт поливки улиц, чтобы выяснить стоимость полива» и в мае ассигновала на эти цели очень большую сумму – 1000 рублей. Городская строительная комиссия, изучив вопрос, пришла к выводу, что улицы лучше поливать не из шланга, а «посредством бочек», с помощью особого приспособления.

Специально организованная думская комиссия по поливке улиц решила поливать из десяти бочек на специально нанятых лошадях центральные улицы, воду брать из Амура, из колодца при электростанции, из бака на Амурском базаре. Первые итоги подвели в июне. Оказалось, поливать назначенный район десятью бочками «положительно не по силам». Нужно больше 20 бочек. В июле уже никто ничего не поливал и вот как отреагировал на это корреспондент газеты «Эхо»: «Постановление городской думы о поливке улиц совершенно игнорируется. Улицы предоставлены заботам одного неба и по-прежнему душат прохожих пылью».

Горожане страдали не только от пыли. «Влияние дождя на жизнь таких неблагоустроенных городов как Благовещенск очень велико», – отметил анонимный наблюдатель в 1908 году. Действительно, «Бурхановка залила площадь перед молитвенным домом, какой-то проезжающий оступился и чуть не утопил коня в Бурхановке. Только с помощью прохожих удалось его спасти»; «Притч Вознесенской церкви обратился в управу с просьбой о проведении стока с Вознесенской площади. Разлив воды кругом школы и причтовых домов прекращает возможность продолжать учение в школе почему и распускаются три группы, и даже служение в церкви, так как члены причта и часть прихода отрезаны от церкви целым озером»; «Попасть на базар на Чуринской площади нелегко – жидкая грязь затопила со всех сторон, грязь и возле самих лавок. Часто ящики с овощами виновато выглядывают из грязи»; «18 июля после дождя на углу Амурской и Офицерской затоплена улица, а в ней яма глубокая. Мальчик лет 10 попал в яму с головой, через некоторое время туда же попала женщина»; «В апреле Офицерскую улицу заровняли, но сейчас она представляет сплошное болото. 3 мая пролётка перевернулась, женщина и возница искупались в большой луже. Развозчик хлеба опрокинул ларь с булками, на следующий день здесь же опрокинулся ящик ассенизатора»; «На Офицерской–Зейской каждый день проваливаются две-три телеги» (эта лужа была такой громадной и непросыхаемой, что горожане называли её Чёрным морем).

А вот анекдотичная заметка из одной благовещенской газеты. «На днях на первой Забурхановской, между Графской и кладбищем, можно было наблюдать настоящую охоту за утками. Какой-то рьяный Невмрод (искаженное Нимрод – персонаж восточных легенд, охотник), заметив, что в дождевой луже плавают утки, открыл по ним стрельбу дуплетами, невзирая на то,

что по берегу лужи бежали ребятишки, ходили телята, свиньи, куры. По счастливой случайности никто, включая уток, не пострадал».

По Коммерческой улице протекал ручей – левый приток Бурхановки. Не доходя до речки пару кварталов, он превращался в озеро и топил огороды жителей Горбылёвки. В июле 1910 года местные домовладельцы подали в городскую управу прошение осушить это озеро. К 23 августа часть работ была закончена. Как написано в газете «Эхо», «канавка в 60 метров от заимки Курилова направляется в р. Чигири. Назначение канавки – забрать воду левого притока р. Бурхановки». В сентябре воду из озера начали спускать. Казалось, проблема будет решена, но... работы отложили, чтобы «просчитать и подготовить проект для лучшего ознакомления и подготовки сметы».

Просчитав смету, летом 1910 года стали обсуждать варианты: отвести воду из озера в Зею или, как предложил гласный Соколов, отвести саму Бурхановку «выше города мимо городской больницы в Амур». Остановились на первом варианте, провели «нивелировку» профиля местности стоимостью 25 000 рублей. В итоге осушку озера по Коммерческой решили провести частями в течение двух лет.

Прошло почти 120 лет. Озеро на бывшей Коммерческой до сих пор «функционирует» и по-прежнему топит округу.

Обыватели жаловались и на огромные лужи, требуя их осушить, и на канавы, которые управа устраивала для стока воды. Канавы были широки, глубоки и постоянно требовали ремонта: чтобы они не обваливались, по бокам набивали колья, заплетали хворостом и засыпали... навозом. Этого добра было немерено.

Утилизация навоза на рубеже веков была проблемой мирового масштаба. В Благовещенске она решалась примитивно: навоз сваливали в реки, свозили в специальные места, определенные управой, сбрасывали во все канавы, овраги и... на берег Амура даже в самом центре города!

«Параллельно бульвару, находящемуся на Большой, между Чигиринской и Садовой, тянется падь шириною семь и длиною 110 сажений, а всего занимающая площадь приблизительно 770 кв. сажений, – пишет корреспондент газеты «Эхо» в 1909 году. – Падь эта сплошь покрыта навозом и другими нечистотами. Чего-чего здесь нет! И человеческие экскременты, и гниющее тряпье, и жестяная посуда, и свежий, сочный, только что наваленный навоз. Есть тут и лужа с грязной вонючей жидкостью, а посередине лужи, как островок в море, гордо возвышается недоступный ретирад. Китайцы-тряпичники роются в нечистотах, доставая оттуда разные лоскутки, рядом с ними копошатся поросята, тут же рабочие сваливают с телеги привезённый навоз. Всё это среди бела дня, перед фланирующей по бульвару публикой.

Уж сколько раз твердили городской управе, что устраивать место для свалки навоза и разных нечистот около кафедрального собора и рядом с одним из бульваров не совсем удобно. Водное управление Амурского бассейна, помещающееся рядом со свалочным местом и нюхавшее в продолжение нескольких лет аромат хлебов и конюшен, наконец, взмолилось. 13 марта начальником управления послана в управу «челобитная», в которой он слёзно просит отцов города принять меры к оздоровлению местности и устранению зловония. Ввиду развития в крае эпидемических заболеваний нахождение в центре города места, от которого несёт страшным зловонием, является весьма опасным в санитарном отношении, благодаря зловонию нельзя совсем открыть окна дома управления для проветривания комнат».

Борьба с навозом напоминала Сизифов труд.

Шоссировка улиц и мосты

В конце 1909 года городское самоуправление решило заняться шоссировкой городских улиц (шоссировать – значит устраивать шоссе, убивать камнем дорогу). «Торгово-промышленный листок объявлений» поспешил сообщить 13 февраля 1910 года, что акционерное общество «Артур Коппель» (Германия), ссылаясь на личные переговоры уполномоченного предста-

вителя Форжерона с городским головой Благовещенска, предлагает выписать паровой каток (сила давления 10 тонн) завода «Клейтон и Шутловорт» в Англии вместе с паровой машиной в 20 лошадиных сил. В прошлом году такой каток выписал Владивосток. Хабаровск тоже сделал заказ. Благовещенск пошел своим путём и через торговый дом «Кунст и Альберс» выписал паровой каток «Компаунд» (сила давления 8 тонн). Стоимость катка – 5 000 рублей. До города каток – морским путем – добрался только летом 1911 года.

На шоссировку улиц было выделено в общей сложности 32 000 рублей. Пользуясь «убылью Амура», гальку брали на берегу, у пристани, убивая таким образом трёх зайцев: вывозка камня дешёвая, сам камень достаётся бесплатно, углубляется пристань для пароходов. Планировалось капитально отремонтировать только городские улицы, хотя некоторые отцы города на думских заседаниях не раз высказывались, что пора обратить внимание на Новые кварталы, откуда «всё время несутся вопли...»

Денег и сил было потрачено немало, но, как писала летом 1912 года газета «Эхо», результат оказался плачевным. «Улицы в незавидном состоянии. Толстый слой песка и пыли вперемишку с галькой тормозит движение экипажей, портит ноги лошадям и безжалостно рвёт шины экипажей, автомобилей и велосипедов. Не избежала этой участи даже Большая улица. Не мешало бы нашей управе присмотреться к жизни: средства передвижения быстро прогрессируют, на улицах появились дорогостоящие экипажи, автомобили и рысаки, а наши дороги по-прежнему не только не чистят, а, наоборот, заваливают галькой и даже не ремонтируют».

16 октября 1909 года в думе обсуждали проект правил «о мерах по поощрению посадки древонасаждений на улицах». Проект обязательного постановления о содержании в чистоте города был составлен ещё в июне, два раза перерабатывался и всё-таки пришлось многим не по вкусу, особенно пункты, которые касались обязанностей домовладельцев содержать в чистоте и порядке улицы и канавы перед домами. После разъяснения, что во всех городах улицы чистят сами домовладельцы, каждый – против своего участка, гласные приняли этот пункт с оговоркой очищать улицы от мусора. На очистку канав большинство из них никак не соглашалось. После часового прения решили содержание канав в исправности возложить на город.

Бурхановка – естественная граница Благовещенска. К 1910 году через неё было перекинуто 14 каменных и деревянных мостов. Можно предположить, что одним из первых был построен мост по Садовой – эта улица вела к городским «свалочным местам» (на месте бывшей свалки построен железнодорожный вокзал). В 1909 году началось строительство моста на каменном фундаменте по улице Кузнечной, через год ещё одного – по Мастерской.

Первые богачи Благовещенска – мельники Буяновы, Алексеев, Кувшинов, заводчики Чепурин, Саяпин, Матвеев в июне 1910 года возбудили ходатайство перед городской управой о постройке мостов через Бурхановку по Невельской и Казачьей улицам.

«Пути сообщения в некоторых местах находятся в плачевном состоянии, – писала летом 1912 года газета «Эхо». – Мосты, ведущие к Зее, в полуразрушенном виде, по некоторым из них невозможно проехать без риска сломать экипаж, другие, как ведущие по Невельской к мельнице Кувшинова, утратили даже видимость мостов». О каких мостах, ведущих к Зее, идёт речь, установить не удалось, а рельеф местности с тех времён очень сильно изменился и не угадаешь, через ручьи или овраги были перекинута те малоприспособленные для эксплуатации сооружения.

Ассенизация

Одной из важнейших городских проблем была ассенизация и, если о необходимости устроить водопровод благовещенские врачи говорили постоянно, то о необходимости канализации не заикались – это было слишком дорого. Ассенизация проводилась примитивным образом: нечистоты скапливались в выгребных ямах и специальных ящиках, установленных в ретирдах, а после вывозились на «свалочные места» за городской чертой.

До 1911 года, когда в Благовещенске был организован городской ассенизационный обоз, удалением нечистот занимались исключительно частники. Каждый такой возчик раз в год должен был (за определённую плату) получать в управе номер. Этот номер был разрешением на занятие ассенизационным извозом. Тот, кто работал сам на себя, выкупал один номер, тот, кто имел наёмных работников, выбирал по несколько номеров. Среди первых были в основном китайцы, среди вторых – в основном русские.

Будучи монополистами, золотари (не путать с золотопромышленниками) вели себя соответствующим образом. «Наши ассенизаторы, – писала «Амурская газета» в 1902 году, – вызывают постоянные нарекания за беспорядочную очистку, небрежное и грубое обращение, за невозможно высокие цены. Вот несколько фактов, характеризующих их отношение к обязанностям. Ассенизаторы вывозят нечистоты ночью, когда никого нет, разливают их по улицам, площадям, а за городом выливают куда вздумается: в кустах, под горкой, в канаву. Один китаец был замечен, когда выливал свою бочку в Бурхановку. Убежал. Ассенизатор Кочетов был уличён в том, что выливал бочку в кусты вблизи города. Мировой судья приговорил Кочетова на 10 суток ареста. А вскоре его вновь застали за тем, что он по полю разбрасывал нечистоты».

Чтобы контролировать ассенизаторов, городская управа нанимала специальных конных объездчиков. Работа у них была, прямо сказать, опасная: ассенизаторы буйно реагировали на проверяющих, ожесточенно сопротивлялись при задержании, а иногда и сами нападали, так что объездчики не выезжали на свои участки иначе как вдвоём-втроём.

Горожане очень часто жаловались на пренебрежительное отношение ассенизаторов к правилам гигиены: «Они не моют свои бочки и ящики, ставят их там же, где живут, они воняют!»; «Пусть бы назначили за городом особый пункт, где бы ассенизаторы оставляли на день орудия своего производства»; «На углу Вознесенской и Никольской постоянно целые обозы ассенизаторов, направляющиеся к местам свалки. Жители жалуются, что окон открыть невозможно. 3 мая обоз из десяти подвод тянулся на сто шагов по Никольской. Ароматы были так сильны, что встречающая публика спасалась в боковых кварталах».

Безнаказанность золотарей доходила до того, что они шантажировали и буквально терроризировали тех, кого нанимались обслуживать. Взяв, к примеру, плату за год (!) вперёд (а на других условиях отказывались обслуживать вообще), через некоторое время требовали прибавки. Несогласных по-своему «наказывали». «У домовладельца Ш. выдвижной ящик клозета вынули и бросили посреди двора, – сообщала «Амурская газета» летом 1902 года и добавляла «красок». – В продолжение последних дней на Большой, между Бурхановской и Корсаковской, стоял выброшенный на улицу ящик из ретиреда со всем его содержимым. Такие же ящики, распространявшие страшное зловоние, можно было наблюдать недавно на площади нового базара и в некоторых других местах города. Подобные вещи лучше всего доказывают, как поставлено у нас санитарное дело и вопрос об ассенизации. Следовало бы председателю городской санитарной комиссии самолично приняться за дело, а не откладывать его в долгий ящик. Ведь не для почёту же одного он избран на пост руководителя санитарно-исполнительной комиссии! Как слышно, возникла мысль избрать из этой комиссии подкомиссию для изучения ассенизационного вопроса. Будем ждать, к какому результату приведут её исследования, а пока будем наслаждаться благоуханиями расставленных по улицам ретиредных ящиков. Многочисленные жалобы на золотарей в достаточной мере убеждают в необходимости организовать городской ассенизационный обоз, хотя бы только для того, чтобы конкуренцией заставить частных предпринимателей улучшить своё дело».

Вопрос о городском ассенизационном обозе поднимался и обсуждался не раз, но конкретные шаги были предприняты только летом 1902 года, в разгар эпидемии холеры. 28 июня 1902 на специальное заседание в городской управе были приглашены все подрядчики, занимающиеся очисткой клозетов, выгребных ям и прочих нечистот, чтобы «с помощью специалистов своего дела установить какую-нибудь норму для определения вознаграждения за очистку.

Издаются же таксы для ломовых и легковых извозчиков, для мясников и проч. Почему же ассенизаторы поставлены в привилегированное положение и никого знать не хотят?»

«Валовой» показатель ассенизаторской службы был известен. За весь 1901 год было вывезено на свалочные места 1600 ящиков мусора, у частных лиц выгребли 4750 ящиков нечистот, из городских учреждений – 8250 ящиков того же. Ассенизаторы уплатили почти 13 000 рублей налогов (для сравнения – аренда амурского перевоза дала всего 10 000 рублей). А вопрос о какой-то фиксированной оплате очистных работ оказался непростым: члены управы никак не могли определиться, что взять за единицу отсчёта? Предлагали брать плату с каждого дома, но дома не одинаковы; с каждой ямы, но неизвестно, кто сколько чего в ту яму выбросил; по специальностям жителей: с купцов, к примеру, брать одну плату, с кожевенников – другую и т. д. Сколько ни толковали, прийти к соглашению не смогли.

Заседание 28 июня 1902 года было все же не бесполезным. На нём приняли решение уравнивать расстояния от разных частей города до свалочных мест («С первого и второго участков будут вывозить в одно старое место, с третьего – на новое, левее завода Шадрина»); ассенизаторам предложили самим разделить город между собой «сообразно своей силе», то есть количеству бочек и лошадей. Кроме того, им пообещали выплатить единовременное пособие, если они будут производить вывозку нечистот на необременительных для жителей условиях; выделили ссуду на «устройство» новых ассенизационных телег; пригрозили (!) созданием городского обоза.

Но, собравшись в очередной раз для обсуждения ассенизационного вопроса, члены санитарно-исполнительной комиссии были вынуждены признать: «С чистильщиками невозможно сговориться, они не желают сдерживать цен и менять своих привычек». Тогда решили, во-первых, усилить состав комиссии, включив в неё двух врачей и всех полицейских приставов, во-вторых, собрать на совещание всех санитарных попечителей (представители общественности, призванные следить за санитарным состоянием закреплённых за каждым кварталов).

В 1902 году санитарным попечителям поручили собрать сведения, необходимые для создания городского санитарного обоза. Они обходили домовладения своих участков и в особые бланки, подготовленные городской управой, заносили число проживающих в каждом дворе, количество выгребных ям и ватерклозетов, стоимость очистки дворов и «кто её производит», согласны ли домовладельцы передать очистку дворов городскому ассенизационному обозу и по какой цене.

В сентябре того же года дума Благовещенска решила ходатайствовать перед правительством о разрешении организовать на городские средства ассенизационный обоз и предоставить ему монопольное право очистки для устранения конкуренции. По закону, для удовлетворения такого ходатайства было необходимо согласие большинства жителей. К тому времени жители 60-ти городских кварталов уже подтвердили, что готовы очищать свои дворы при помощи городского обоза с платой «по 30 копеек с души (не моложе 10 лет) в год».

Почему городской ассенизационный обоз, для организации которого было уже так много сделано, так и не заработал в 1902 году, установить не удалось. Не было этого обоза ни в 1909, ни в 1910 году, когда проблема вновь стала суперактуальной из-за страшной эпидемии чумы, которая свирепствовала в Маньчжурии.

Больше всего опасений в отношении санитарии вызывал китайский квартал Благовещенска. Он занимал небольшую площадь на западной окраине Благовещенска (между Загородной и Артиллерийской). В мае 1910 года члены городской санитарной комиссии провели проверку китайского квартала и обнаружили полное отсутствие отхожих мест, ужасающую грязь, всюду – органические отбросы: в одних дворах гнили кишки, в других стояли ассенизаторские ящики, тут же продавалось свежее свиное мясо.

Антисанитария была такой вопиющей, что члены санитарной комиссии решили привлечь к ответственности через суд разом всех здешних домовладельцев и составили протокол на всех обитателей китайского квартала!

Обычно зимой китайские ассенизаторы увозили нечистоты из благовещенских ретирад в Сахалин и продавали их там с аукциона: огородники из «заграничного сырья» делали удобрения. Извозчики получали по 4-6 копеек за пуд нечистот. Увозя за раз 40-50 пудов и съездив в Сахалин три-четыре раза, они зарабатывали шесть-семь рублей за день. Очень хороший доход.

В начале зимы 1910 года один из китайцев-ассенизаторов обратился к чжи-фу (городской голова) Сахалина с просьбой разрешить и ему, как другим, вывозить в Сахалин содержимое благовещенских уборных. Чжи-фу не решился выдать официальную бумагу, но сказал, что можно «возить потихоньку, кому какое дело».

Подрядчик так и делал. А когда в феврале 1911 года из-за эпидемии чумы в Маньчжурии границу закрыли, начал хвастать, будто его запрет не коснётся, и он будет возить свои ящики по-прежнему. Сахалинские китайцы возмутились: «Нам через границу нельзя ни ходить, ни ездить, а ему можно?! Что, мы хуже русского г-на?» К чжи-фу поступил донос, он принял меры. В результате было задержано пять возов «контрабанды». Всё задержанное «добро»... продали с аукциона.

В феврале 1911 года, наконец, появился городской ассенизаторский обоз в 50 подвод – дума ассигновала на его организацию 15 000 рублей, а на содержание – ещё 8 600 рублей. Уже в апреле того же года городской обоз увеличили, чтобы он мог обслуживать не только «казённые» учреждения, но и частные дома.

Централизованная канализационная система появилась в Благовещенске с началом массового строительства многоквартирных домов в 60-е годы XX века.

Водопровод

Первый на Дальнем Востоке водопровод появился в 1907 году в Хабаровске. Примерно в то же время начали обсуждать его устройство и в Благовещенске.

«Благовещенск – город малокультурный в гигиеническом отношении, так как в нём нет водопровода и канализации», – вот такой «приговор» вынесли самому большому городу Дальнего Востока члены местного Общества изучения Сибири и улучшения её быта в отчете за 1909 год.

Журналист одной из городских газет дополнил неприятную и очень вредную для здоровья картину своей заметкой: «Городские жители, как и всегда весной, принуждены употреблять вместо воды какой-то навозный настой, так как весь берег Амура завален толстым слоем навоза. Особенно много его выше мола, у купальни». А водовозы «заправлялись» ниже по течению!

Когда Зeya и Амур были достаточно полноводны, проблема качества воды обострялась только весной и осенью – во время ледохода и ледостава. Но в мелководье горожане страдали и от дефицита, и от невозможных «кондиций» воды. Конечно же, «навозный настой» становился источником заразных заболеваний, и тогда санитарная комиссия городской управы в очередной раз предлагала организовывать снабжение питьевой водой «не только посредством водовозов».

Летом 1910 года, например, обсуждалась идея устроить четыре «электромоторных водоразборных колодца» на Иркутской улице и десять помп в наиболее населённых местах, поставить бак на 2 000 вёдер с фильтром на Амуре, провести химический анализ воды в родниках на Набережной – около Графской улицы и около военного лазарета – для возможного их использования. Это были необходимые, но временные меры. Городу нужен был «правильный», как тогда выражались, водопровод.

По разъяснению Сената (высший государственный орган законодательной, исполнительной и судебной власти Российской империи), «постройка городского водопровода, как соору-

жения, неправильность которого может угрожать общественной безопасности», возможна была только после утверждения проекта губернским начальством.

Прежде чем приступить к проектированию, отцы города провели подготовительную работу. Гласный И.А. Койо, ознакомившись с устройством водопроводов в городах Западной Европы, подготовил специальный доклад и выступил с ним в думе. По поручению управы заведующий бактериологической станцией В.А. Смолич провёл анализ зейской воды в районе устья реки Чигири. «При исследовании оказалось, что в одном кубическом сантиметре содержится до 100 обыкновенных водных микробов, – докладывал Владимир Алексеевич. – Такая вода считается очень высокого качества». В итоге решили тянуть водопровод от Зеи.

Инженер В.И. Шимановский сделал предварительный расчёт стоимости сооружения и условий эксплуатации будущего благовещенского водопровода. Отцы города размахнулись: вся сеть должна была протянуться на 109 вёрст, основные чугунные трубы предполагалось уложить на 30 верстах (в Хабаровске только 20, в Рыбинске – одном из первых в России городов с правильным водопроводом – 15 вёрст). Минимальная стоимость сооружения составила 503 460 рубля.

Что ещё, кроме труб, включал проект? Десять будок для разбора воды: пять каменных и пять деревянных (в Рыбинске было только семь будок), водонапорную башню с фильтровальной станцией и баком ёмкостью около 35 000 вёдер (в Хабаровске – 22 000 вёдер). Башню планировали построить на Семинарской горе, так как она «на три сажени выше средней отметки города». 150 000 вёдер в сутки предполагалось продавать всем желающим по 30 копеек за 100 ведер (в Хабаровске – 35 копеек), а 50 000 вёдер в сутки отпускать бесплатно на общественные нужды – тушение пожаров, поливку улиц и т. д. Суточный валовой доход планировался в размере 450, а годовой – 164 250 рублей.

В пояснительной записке к проекту В.И. Шимановский писал: «Первые год-два количество вёдер платной воды будет меньше вследствие консервативности населения ко всем нововведениям, но, если судить по примеру других городов, население быстро усваивает полезность фильтрованной воды, и количество абонентов будет быстро расти».

Водная проблема много раз обсуждалась на заседаниях городской думы. Газета «Эхо» сохранила для нас подробный отчёт об одном из таких совещаний.

Гласный Коротаев: «Водопровод обойдётся не в 550 тысяч, как по проекту, а – минимум – в полтора миллиона рублей. Доходность его не покроет процентов займа, и городу грозят новые налоги».

Гласный Дулетов: «Если водопровод будет оздоравливать жителей, на этом нельзя экономить, мы должны застраховать своих детей и детей ближних».

Гласный Кондрашов: «У меня десять детей и все живы, хоть и без водопровода! Отцы наши пили воду с Амура, и нам не надо водопровода!»

Гласный Селезнёв: «Бедным электричество в городе даёт только убытки: они им не пользуются, а за охрану фонарей платят. То же будет и с водопроводом, ведь он пройдёт только по центральным улицам!».

Гласный Алексинский: «Предлагаю создать специальную комиссию по проработке вопроса водопровода, а ей на расходы выделюсь 5 000 рублей».

Дебаты были бурными, гласные разделились на два лагеря: одни были за сооружение водопровода, другие – против. Последних называли «антиводопроводчиками».

Председателем водопроводной комиссии стал Н.П. Алексинский (через год он сбежит из города с деньгами переселенческого управления, управления Красного Креста и Общества спасения на водах).

Летом 1910 года дело ограничилось анализами воды и предварительными расчётами. Летом 1911 года пришло время расширять электростанцию: желающих заменить керосиновые лампы на электрические становилось всё больше. Решили заодно провести и водопровод. Не

полный, в 109 вёрст, а частичный, длиной в 1750 сажень: по улице Большой – от Офицерской до Станичной; установить на этом участке три водозаборные будки и 20 противопожарных кранов. Стоимость сооружения – 52 000 рублей – существенная, но не заоблачная.

Управа обратилась к инженерам-технологам Е.В. Степаненко и В.И. Шимановскому с предложением составить по общему водопроводу эскиз проекта с точными расценками, по временному – детальный проект со сметной частью. Инженеры заверили, что первый проект сделают за четыре месяца, второй – за два с половиной месяца, а ещё, где нужно, сами проведут нивелировку. За свою работу они назначили оплату в 6 000 рублей и выполнили её в срок, но...

«Правильный водопровод» появился в Благовещенске только в 1951 году. И тогда он не сразу добрался до Новых кварталов. Настало время рассказать о них.

Новые кварталы

Северные «кварталы» делились на Забурхановскую слободу (от Садовой на запад) и Горбылёвку (от Садовой до Зеи). Некоторые дореволюционные названия улиц в этом районе сохранились до нашего времени: Высокая, Свободная, Конная, Литейная, Рабочая.

Одна из улиц в Новых кварталах изначально называлась Горбылёвкой. Жителям название не нравилось. В 1908 году они обратились в городскую думу с прошением её переименовать. Думцы очень веселились, когда услышали название, которое придумали сами «горбылёвцы», но одобрили его и стала улица Коммерческой. Название слободы – Горбылёвка – осталось прежним.

Землю за Бурхановкой можно было выкупать (по 4 рубля за квадратную сажень), брать в аренду (в 1910 году на правах аренды было застроено 413 участков). Некоторые поселенцы занимали участки «без контракта», формальности утрясали позже. Одно время управа грозила отбирать такие захваченные участки, а потом передумала.

За Бурхановкой селились рабочие, ремесленники, мелкие лавочники, те, кто нанимался в городе прислугой, здесь находили приют бездомные. Поэт и журналист Фёдор Чудаков, когда появился в городе в 1908 году, поначалу страшно бедствовал. Вот как описывает он своё пристанище того времени: «Я находился без работы и, не располагая достаточным запасом «свободной наличности», вынужден был поселиться в одной очень грязной, зато доступной по цене харчевне, какими изобилуют захолустные улицы Благовещенска. Я спал на грязном полу возле стойки, прикрываясь своими лохмотьями...».

Для таких бедолаг городское самоуправление содержало ночлежку. Когда она была организована и где находилась изначально, неизвестно. В 1909 году тюремное ведомство обратилось в думу с неожиданной просьбой: уступить ей ночлежный дом, чтобы разместить в нём заключённых (местная тюрьма была чрезвычайно переполнена). Поначалу думцы отказались: еженощно ночлежку посещало несколько сот человек, куда их девать? Потом решили отдать помещение в аренду тюремному ведомству за 2 500 рублей в год (в бывшей ночлежке организовали филиал тюрьмы), купили «у Чурина» за 10 000 рублей дом за Бурхановкой, отремонтировали и приспособили под ночлежку.

Новый ночлежный дом открылся осенью 1910 года на 4-й Забурхановской улице: каменное здание, внутри нары в два ряда и в два яруса, вентиляция, кухня с медным кубом для воды, помещение для надзирателя. Дума отменила плату за ночлег в новом пристанище! По данным городской управы, только за 15 сентября 1910 года (вскоре после открытия) приют принял 533 (!) ночлежника. Летом обычно их было не больше 300.

Население забурхановского предместья каждую ночь прирастало за счёт бездомных, но и само по себе росло стремительно. В 1909 году здесь проживало около 2 000 человек. По итогам переписи, которую в октябре 1910 года провёл 4-й полицейский участок, за Бурхановкой проживало уже 4 963 человека: русских – 1 386 мужчин и 1 317 женщин, 2 192 ребёнка, китайцев – 58.

Жили бурхановцы совсем рядом с городом, но добраться до него было проблематично из-за недостатка мостов и разливов речки. В апреле 1910 года в газете «Эхо» Фёдор Чудаков описывал, как мужик по имени Клим собирается в Общественное собрание на торжественный обед по случаю праздника основания Благовещенска, куда его, естественно, никто не звал, но помечтать-то можно. «...Сама его манера собираться в путь доказывала, что он коренной бурхановец: Клим стал раздеваться. Стянул с себя старые бродни, потом штаны, завязал это всё мочалкой, поднял подол рубахи до подбородка, сапоги со штанами взял под мышку и вышел. На дворе вода доходила только до колена, но на улице с первых же шагов пришлось погрузиться до пупа, а потом ещё выше».

Конечно, сатирик Чудаков (одно время он сам снимал угол в домике на берегу Бурхановки) утрирует, но совсем немного. Время от времени речка разливалась аж до Амурской улицы. Летом 1910 года случилось мощное наводнение. Зея подпёрла Бурхановку, речка вышла из берегов, прорвала дамбу, затопила площадь на углу Театральной и Иркутской, по Семинарской дошла до Амурской, затопила двор третьей пожарной части. Прорыв на дамбе заделывала команда пожарных и несколько вольнонаёмных рабочих. Работами руководили городской голова И.Д. Прищепенко и член управы Щёголев.

В 1908 году благовещенская дума приняла решение ввести в Благовещенске всеобщее начальное образование. Разработали программу, рассчитанную на десять лет, и очень рьяно взялись за её реализацию. В течение первого года за Бурхановкой открылись три школы! Их назвали именами Толстого, Тургенева и Ломоносова. В 1911 году Тургеневская школа сгорела. Надо отдать должное отцам города: в короткие сроки они нашли деньги на строительство нового здания. Реализация программы всеобщего начального образования шла довольно успешно. И всё же, как тогда выражались, «за бортом школы» оставались тысячи детей.

Кабаков за Бурхановкой было значительно больше, чем школ. Каждый год городская дума составляла «расписание числа мест раздробительной продажи крепких напитков», то есть разного рода питейных заведений. В 1909 году, например, торговля крепкими напитками воспрещалась вообще «на всём протяжении улиц Артиллерийской, Безымянной, набережной реки Зеи» и ещё на 33 городских участках! На Новые кварталы этот запрет не распространялся: здесь было множество кабаков. «Насколько велико потребление спиртных напитков в Забурхановке и Горбылёвке, показывают следующие официальные цифры, – писала газета «Эхо» в декабре 1912 года. – В 1911 году эти два предместья дали 30 000 рублей акцизного налога. В текущем году – 46 000 рублей».

Где пьянка, там и буйство. 12 сентября 1910 года в доме Г.М. Лысака (4-я Бурхановская) была вечеринка. «На неё явились бурхановцы, около 20 человек, – писал корреспондент газеты «Торгово-промышленный листок объявлений». – Пришли незваные и вытеснили званных. Хозяин попросил уйти, один из пришедших выстрелили в потолок. Лампа погасла. Стали стрелять и в доме, и во дворе. Двоих убили».

Стрельба и убийства были обычным делом для Благовещенска и особенно – для его окраин. А «бурхановец» было тогда синонимом слова «хулиган». В 1908 году на нескольких улицах Новых кварталов установили электрические фонари. Через пару месяцев их уже не было – местные жители перебили. В 1909 году они разобрали на дрова ограду участка, на котором планировалось построить техническое училище. Одно время бурхановские шалили на городском кладбище и в недостроенном соборе, который несколько лет стоял заброшенным. Много грехов водилось за ними.

Новые кварталы можно было назвать одной из промзон Благовещенска. На Коммерческой лице размещался огромный кожевенный завод торгового дома «И.Я. Чурин и Ко» – он занимал больше четырёх кварталов. От него до Зеи располагалось ещё несколько предприятий по выработке кож и кожаных изделий. Улица, естественно, называлась Кожевенной. Рядом с

этим малоприятным производством размещались ещё менее приятные мыловаренные заводы. Дальше на север – кирпичные заводы, за ними – городские «свалочные места».

Здесь не было магазинов – только мелкие лавочки. Сколько ни ходатайствовали забурхановцы, дума так и не разрешила им устраивать на своей территории базарные дни (просили проводить раз в неделю), много лет «украшал» район недостроенный собор. Но были у жителей северной городской окраины и некоторые преимущества

Например, ипподром. Его содержало Амурское общество поощрения коннозаводства. Бега и скачки проводились регулярно и были любимым развлечением горожан. Обитателям центральной части Благовещенска добраться до ипподрома было целой проблемой, а для забурхановцев и горбылёвцев – нет. И скачки, и показательные полёты самолётов, которые устраивали гастрوليрующие пилоты, местные могли наблюдать бесплатно: с крыш домов, с деревьев, через дыры в заборе. Правда, иногда это было чревато. «Во время полётов авиатора Седова, – писала газета «Эхо» в 1911 году, – конная полиция, отгоняя тех, кто смотрел сквозь щели забора, пустила в ход без основательного повода нагайки. За избиваемых вступился проходивший мимо со взводом матросов офицер Амурской флотилии».

Пожарный обоз

Сколько ни обращались в думу жители Новых кварталов, в предместье так и не появилась своя пожарная часть. А в самом городе в начале XX века имелся пожарный обоз, в который входили три пожарные части. Первая и самая старая из них размещалась рядом с полицейским управлением (на пересечении Иркутской и Благовещенской улиц), вторая – во дворе городской управы на Большой улице, третья – на Амурской, между Семинарской и Ремесленной.

Ещё не было окончено строительство третьей части, когда в ней... случился пожар. 21 октября 1909 года в 9 часов утра от вылетевшей из трубы искры загорелась крыша конюшни. Пожар был прекращён через час. Крыша сгорела совсем. Убытки оказались небольшими.

Торжественное открытие третьей пожарной части состоялось 6 декабря 1909 года. После молебна присутствовавшим было предложено угощение. Затем «была сделана тревога». Пожарные запрягли лошадей в одну минуту 10 секунд. Наверное, волновались в присутствии высоких гостей, потому что несколькими днями раньше они провели перепряжку всего за 58 секунд!

Первые пять лет третья пожарная часть стояла без каланчи. Построили её только в 1914 году после настоятельных напоминаний господина городского полицмейстера. Он же неоднократно говорил о необходимости приобрести для пожарного обоза механическую лестницу, и брандмейстер был с ним солидарен.

В смету 1912 года управа внесла ассигнование в 1 500 рублей на приобретение для пожарного обоза механической лестницы, но члены думы ассигнование это вычеркнули. Эта экономия чуть не привела к серьёзной беде. Ночью 27 апреля загорелась почтово-телеграфная контора (рядом с городским парком). Пожар начался с чердака, где хранился архив, и был прекращён только благодаря тому, что «пожарная команда была слишком быстро оповещена о нём сторожем магазина Керкадзе». По отзывам очевидцев, опоздай команда на пять минут, ей пришлось бы только наблюдать пожар, так как попасть на чердак без механической лестницы было невозможно. Брандмейстер вновь напомнил о покупке лестницы, управа пообещала.

Да, депутаты городской думы постоянно в целях экономии перекраивали смету расходов, но деньги на оснащение пожарного обоза выделяли регулярно. В начале 1912 года через склад императорского Российского пожарного общества из Англии выписали паровую пожарную машину конной тяги на двухколёсном ходу. Машина системы «Вальант» стоимостью 2874 рубля пришла в Благовещенск в конце сентября. Подавала машина больше 30 вёдер в минуту: в два раза больше, чем большие ручные машины пожарного обоза. Машина пришла в разобранном виде. Месяц ушел на сборку, обкатку и испытания. В первых числах октября её передали в пожарный обоз.

Вместе с пожарной машиной был доставлен и дыхательный аппарат Кенига №1 со спиральным рукавом в два аршина длиной для работы пожарных в дыму! Кроме того, ожидали ещё и высланные со склада Российского пожарного общества разные принадлежности для пожарного обоза на 2 800 рублей.

Большой проблемой при тушении пожаров была... вода, точнее, её отсутствие, что удивительно при двух реках. А всё потому, что баков для запаса воды в городе было очень мало, в некоторых районах, как в Горбылёвке, они вообще отсутствовали: там в случае пожара приходилось возить воду за две-три версты. Городской брандмейстер Бориско предложил управе войти в соглашение с содержателями торговых бань, чтобы те во время пожаров давали воду из своих запасов (при банях были баки). Владельцы 16-ти бань согласились помогать пожарным безвозмездно, если «город устроит краны со шлангами» от их баков. Только П.В. Аристархов, баня которого размещалась на Амурской, между Графской и Никольской, потребовал за отпуск воды бесплатного отпуска электрической энергии на весь год.

«Отсутствие пожарных колодцев в Призейском районе дало себя знать при пожаре на Корсаковской улице, – писал очевидец 19 апреля 1912 года. – Пожарным пришлось ездить за водой на Зею, и подача воды была, конечно, медленной». Чтобы подобного не повторялось, некоторые гласные предложили прорезать через сад туристов проулок к Амуру и брать воду из реки. Дума не согласилась.

«Насколько экстренно у нас могут пожарные подвезти воду в случае надобности свидетельствует следующий случай, – сообщал в письме в газету «Эхо» один из горожан. – Из 2-й пожарной части на паре здоровых лошадей приехал на Амур пожарный с бочкой № 17. Когда он налил бочку, лошади не повезли её, а толклись на одном месте. Пожарный промучился с ними два часа (!), вылил из бочки почти всю воду, только после этого лошади её повезли». С характером оказались скотины, или возчик неопытный был.

В январе 1910 года газета «Эхо» опубликовала статистику пожаров за пять лет. Оказалось, что с 1904 по 1909 год в Благовещенске случилось 119 пожаров. Больше всего – 33 – в 1908 году, самая большая сумма убытка зафиксирована в 1907 году – 439 800 рублей. Вот несколько историй из хроникальных заметок благовещенских газет – о том, как горели и тушили.

Дома Калюжиной. В ночь с 8 на 9 января 1902 года сгорели два дома, принадлежавших Калюжиной, – каменный и деревянный. Началось в каменном, где магазин обуви Пешехонова. В верхних этажах находились дети Хлебникова. В начале пожара кухарка с мальчиком бежали, позвали квартиранта (хозяева были в театре). А.И. Скородумов, квартирант, проник в горящее здание уже полное удушливого дыма от горящих галош и стал искать детей. Испуганные девочки спрятались, Скородумов услышал плач, бросился в ту сторону и нашел девочку, которую вынес. Другую найти было труднее, она уже задышалась от дыма. Спасённые девочки были унесены к Эмери и спокойно уснули.

Воды недоставало и потушить пожар не удалось. Деревянное здание с магазином обуви сгорело дотла, как и всё имущество на втором этаже. Товар был застрахован на 50 000 рублей в обществе «Надежда», а здания Калюжиной – в Петербургском страховом обществе. Всего убытку не меньше 100 000 рублей. «Можно опасаться, что теперь обуви на сезон не хватит. Не преминут торговцы поднять цены», – предсказывали обыватели.

P.S. Во время пожара в соседний двор проникли два вора и съели на кухне варёное мясо.

Дом Потомкина, дом Камынина. Сразу два значительных пожара случились в Благовещенске 21 февраля 1903 года. Сначала загорелся дом Потомкина на Большой улице, ближе к Зее. Завидя дым, толпы народа стали сбегаться к месту пожара, но по пути остановились у дома Камынина на углу Большой и Садовой, который тоже горел!

На второй пожар прибыли вице-губернатор С.Н. Таскин и военный губернатор области Д.В. Путята.

Таскин остановил махальщика (пожарный-сигнальщик), чтобы спросить, все ли пожарные приехали с первого пожара на второй. «В это время на него наскочила пара с пожарной бочкой и опрокинула господина вице-губернатора, – пишет корреспондент «Амурской газеты». – Колесом, проехавшим по руке, был напрочь оторван рукав мундира, а с ноги сорван штиблет. Благодаря какой-то необыкновенной случайности кости не были раздроблены, и сам вице-губернатор остался жив. Рука вся опухла и посинела, а в ноге чувствуется сильнейшая боль».

Дальше корреспондент пишет, что у благовещенской пожарной команды есть и повозки, и бочки, и прислуга, и лошади, нет только сигнальных рожков. Несутся во весь опор и вопят благим матом: «Берегись вправо!», «Берегись влево!». Но криков их никто не слышит. «Пожары в Благовещенске вообще бывают очень редко и ещё реже случается два пожара сразу, чем и объясняется, что в эту сторону вопроса не было никем отражено внимание», – завершил корреспондент свой отчёт о ЧП с участием вице-губернатора.

Магазин Бутрякова и другие. Этот разрушительный пожар случился в Благовещенске 22 февраля 1910 года. Он начался в подвале книжного магазина Бутрякова, быстро распространился на соседние здания, а в них располагались богатейшие магазины и фирмы Благовещенска. В том пожаре сгорели кондитерское заведение Афонина, гостиница «Манжини», магазин Бутряковых с товаром, ювелирный магазин Архимовича (товар спасён), магазин фирмы «Коковин и Басов», квартира электротехника Кравчинского (через несколько месяцев горожане читали рекламу: «Лучшая гарантия от пожара – это электрический насос. Его должен иметь каждый домовладелец. Можно видеть в действии в специальном электрическом магазине Кравчинского»). При тушении пожара были порваны телефонные провода. В результате 110 абонентов в течение трёх дней «оставались без сообщений». Общий убыток – 267 000 рублей.

В связи с пожаром торгового дома «Коковин и Басов» (кяхтинские купцы-чаеоторговцы с миллионными оборотами) в Благовещенск прибыл главный инспектор страхового общества «Россия» К.А. Мальчёнкин. Это страховое общество выплатило Коковину и Басову 150 000 рублей и оставило торговому дому всё спасённое имущество и товары.

Баня Гаврилова и Поповой. В ночь на 31 июля 1911 года на Казачьей улице загорелась баня, принадлежавшая Гаврилову и Анне Поповой. В бане спали китайцы. Они не пострадали. Дознание установило, что стены бани были облиты маслом снаружи, загорелось сразу в девяти местах. Баня застрахована в обществе «Россия». В поджоге подозревался муж Анны Поповой. Участок, на котором построена баня, наполовину принадлежал Гаврилову, наполовину – Поповой. Срок аренды земли под частью бани истекал в сентябре. На продление аренды Гаврилов не соглашался. Попову пришлось бы или продать баню всего за 700 рублей, или ломать. Поджечь, выходит, было выгоднее. Чем закончилось разбирательство, газеты не сообщили.

Сено Буяновых. В октябре 1911 года товарищество братьев Буяновых отправило двух рабочих на казённую дачу в десяти верстах от Астрахановки, чтобы «в целях предотвращения палов» опалить принадлежащие им стога. Рабочие с огнём не справились, и он сжег 3925 копён чужого сена. В. Горелкин потерял 250 копён, Павел Долгов – 400, Ив. Долгов – 180, А. Лепехин – 35, Вас. Долгов – 180, И. Резанов – 300, М. Шабанов – 160, М. Шабанов – 40, И. Лепёхин – 10, И. Шабанов – 500. Владельцы сгоревшего сена оценили убыток в 10 000 рублей и предъявили иск торговому дому братьев Буяновых.

Вознесенская школа. 13 января 1912 года сторож Вознесенской школы Мишин заметил дым: около печи горел половик. Попытки залить огонь оказались безуспешными. Живший на втором этаже учитель вызвал по телефону пожарных. Им не удалось прекратить огонь, так как воду приходилось возить за несколько кварталов. Здание вместе с имуществом учителя и сторожа сгорело дотла. Убытков 12 600 рублей. Здание застраховано в «Русском страховом обществе» на 10 000 рублей.

При тушении упавшей печной трубы ранило двух пожарных – Захара Сигулу и Антона Хаманца. Пострадавших доставили в городскую больницу.

Конюшня Кузнецова. В ночь на 21 апреля 1912 года во дворе Кузнецова по Мастерской, между Амурской и Иркутской, от брошенной папиросы сгорела дотла цинковая конюшня с сеновалом, а также пятьдесят саней и сорок возов сена. Убыток около 4 000 рублей. От Кузнецова пожар перешел во двор к соседу Азанову, у которого сгорело 60 плах и 15 возов сена.

Сеновал Косицына и вокруг. Днём 11 мая 1912 года при очень сильном южном порывистом ветре загорелся сеновал на участке Косицына на Благовещенской улице, между Большой и Зейской. Хотя пожар был замечен в самом начале, остановить его домашними средствами оказалось невозможно. Пока вызывали по телефону пожарные части, огонь охватил весь сеновал и перекинулся на соседние дворы Козлова и Лебедева. Начавшись с сараев и других мелких строений в этих дворах, пожар перешел на дома, отстоять которые не удалось. Дальнейшему распространению огня на соседние участки помешал брандмауэр – с одной, каменная лавка – с другой и Зейская улица – с третьей стороны. Искры от пожарища занесло в соседний квартал, где загорелся сеновал на участке Стёпина. С сеновала огонь перекинулся на дом и уничтожил его. От этих строений загорелась на соседнем участке каменная баня Кононенко. Благодаря усилиям пожарных частей и публики дальше огонь не пошел, а мог бы выкосить несколько кварталов.

Итоги пожара такие. У Л.И. Косицына уничтожены сарай, сеновал, коровник, конюшня, два амбара, каретник и поднавес, убытки – 3 500 рублей; у Козлова – дом, амбар, прачечная, убытки – 1 200 рублей; у Лебедева – дом и сарай, убытки – 3 000 рублей, у П.Ф. Стёпиной – дом и сарай с дровами, убытки – 1 800 рублей, у Кононенко обгорели чердак, забор, повреждены двери, окна, крыша дома, убыток – 600 рублей.

Не всегда огнеборцам удавалось взять верх над стихией, но выучку они показывали хорошую. Летним вечером 1902 года господин военный губернатор области Д.В. Путята, прогуливаясь пешком по городу, зашел в полицию. Там же помещался главный пожарный городской обоз. «Желая испытать исправность пожарной команды, его превосходительство велели ударить тревогу, – сообщала «Амурская газета». – В одну минуту пожарный двор пришел в движение. Опытными руками пожарные бросились запрягать лошадей, им помогали, чем могли, по обыкновению, и женщины – жены пожарных. Привычные лошади сами становились в оглобли. Ровно через три минуты машина была совершенно готова к отъезду, бочки – через четыре минуты. Команда была в полном порядке. Его превосходительство остались очень довольны».

Семьи пожарных обитали там же, в частях. Будете проходить мимо третьей пожарной части, на Амурской, обратите внимание: на первом этаже размещались лошади, на втором – семьи пожарных. На нарах, разгороженных занавесками.

Пожар в Сахалине

Однажды благовещенским пожарным пришлось бороться с огнём на правом берегу Амура.

11 сентября 1912 года в Сахалине начался праздник огней, а на пятый день веселья случился пожар. Вот как описывает это бедствие репортёр газеты «Эхо», очевидно, переправившийся на правый берег Амура вместе с пожарными. «Вчера (14 сентября) около часу ночи яркое зарево охватило Амур. С отдалённых от набережной улиц Благовещенска казалось, что горят или склады Амурского общества (пароходства и торговли) или интендантские. Но пожарные каланчи молчали. Горел на китайском берегу Сахалин. Известно, в каком рискованном положении в отношении пожаров находится Сахалин – деревянные скученные строения, узенькие азиатские улицы, отсутствие противопожарных средств. В течение семи часов Сахалин пылал костром на протяжении половины своего протяжения. Картина пожара по своей грандиозности напоминала печальной памяти пожар 1900 года.

Как бы весь пропитанный спиртом, имеющий в изобилии запасы керосина, бобового масла и других горючих веществ, Сахалин, несмотря на отсутствие ветра, казалось, выгорит дотла. Оглушительные взрывы десятков бочек со спиртом, раздававшиеся почти непрерывно, чёрные массы клубившегося дыма, доносившийся гул отчаянных криков людей, зловеще освещенная поверхность реки – всё это представляло с нашего берега мрачную картину. Рисовались ужасы огненного бедствия и паника сахалинского населения – китайского и русского.

В два часа ночи к таможенному посту около перевоза прибыли военный губернатор Валуев, комендант города, городской голова Попов, полицмейстер ротмистр Хуциев, наряды полиции, вызвана была пожарная команда. В три часа Попов с пожарными отплыл на ту сторону. Нашей пожарной команде при въезде в Сахалин представилось целое море огня, охватившего широкую и длинную полосу к западу от главной поперечной улицы, и уже готового перекинуться в восточную часть.

Всюду полная беспомощность и растерянность. На заваленных скарбом и разными товарами улицах бестолково суетятся китайцы – торговцы, кули, солдаты, офицеры. Треск горящих зданий, крики людей и почти непрерывные взрывы банок со спиртом сливаются в один сплошной гул. Несколько баков с водой, одеяла и кое-где листы волнистого железа – вот всё, что Сахалин имел возможность противопоставить разбушевавшейся огненной стихии.

Появление нашей пожарной команды встречается большим энтузиазмом с верой в близкое спасение от огня. Ей спешат очистить дорогу, оказывают всяческую помощь.

Каменное здание нашего вице-консульства, хотя и охвачено тесным полукольцом горящих и догорающих построек, но находится в относительной безопасности, и потому пожарная команда направляет своё внимание туда, где прежде всего необходимо поставить преграду огню. Врезавшись в восточную часть полосы пожарища, команда, располагавшая сначала всего одной машиной, энергично начинает свою работу и останавливает здесь распространение огня.

Через некоторое время с нашего берега подспевает вторая машина и предпринимает борьбу с огнём на западной стороне, где в это время загорается находящийся на набережной водочный завод, железные бочки со спиртом из которого удаётся вовремя выкатить и бросить под берег, частью – в воду. Завод сгорает, зато соседние постройки, в том числе склад керосина и громадный пакгауз, битком набитый разными товарами, отстаивается, чему много помогает присоединившаяся ко второй первая машина.

Кстати, энтузиазм китайцев быстро остыл и через час-полтора качать пожарные машины почти некому. Китайская полиция выбилась из сил, чтобы принудительно собрать у машин, даже с помощью подзатыльников, десять-двенадцать качальщиков.

К семи утра к Сахалину подходит министерский (путей сообщения) пароход с третьей машиной и со своей командой. К этому времени опасность, угрожавшая всему Сахалину, устранена, хотя ряд построек ещё продолжал пылать в разных частях пожарища. В общем, услуга, оказанная Благовещенском Сахалину, громадна, так как, не прибудь на пожар наша помощь, если не весь Сахалин, то большая его часть превратилась бы в груды углей и обломков. Выгорела значительная площадь с рядом магазинов, лавочек и товарных складов. Убытки должны быть громадные».

Через несколько дней та же газета опубликовала подробности грандиозного пожара. «Он начался в одном из домов, расположенных в узком переулке вблизи театра и, встречая повсюду хороший горючий материал, быстро начал распространяться во все стороны. Китайская пожарная команда, располагавшая неважной пожарной машиной, оказалась не в состоянии преградить путь огню. Пожарная команда японского общества, не раз успешно боровшаяся с пожарами до этого времени, на этот раз оказалась бессильной. Уничтожено, по китайским данным, до 600 домов, убыток исчисляется миллионами. Погорело очень много товаров, заготовленных по случаю приближения конца навигации на целую зиму. Осталась без приюта масса китай-

цев, разместившихся теперь по оставшимся домам, палаткам, шалашам, просто под открытым небом.

В пожаре очень пострадала японская колония. Из 24 домов, занимаемых японцами, осталось только пять, остальные сгорели и не удалось спасти ничего из имущества. Люди выбегали в одном белье. Мужчины-японцы, принимавшие участие в тушении пожара, занятые делом, не заметили, как погибло всё их имущество. Среди японцев, проживающих в Благовещенске, организован сбор пожертвований в пользу соотечественников.

Китайское коммерческое общество 16 сентября обратилось по телеграфу в Пекин, в министерство торговли и промышленности. «Случившимся пожаром уничтожено около 600 домов, убытку 8 млн таэлей, порядок нарушен. Для восстановления требуется помощь правительства. Если помощь оказана не будет, населению и администрации грозит опасность со стороны бесприютных китайцев».

Накануне пожара местный чжи-фу (городской голова) выехал по делам в Айгун, туда же уехал и его помощник, в городе из администрации оставался один полицмейстер. На следующий день в Айгун посыпались телеграммы с просьбами о приезде чжи-фу, и китайцев сильно волновало, что он до 16 сентября не появлялся в Сахалине.

Циркулирует слух, хотя маловероятный, что пожар возник на политической почве: предположения основываются на том, что в одно и то же время случился пожар и в Фуданцзяне возле Харбина.

Больше всех пострадала транспортная контора Кун-Зи-Зан, в сгоревших пакгаузах которой была масса товаров, привезенных из Харбина. У фирмы Фун-Тай огнём уничтожено чуть не на сто тысяч рублей шелку, бакалейных, мануфактурных и других товаров. При тушении пожара кроме русской пожарной команды редкую деятельность проявили чины управления водных путей и японское вольное пожарное общество во главе с местным доктором Миязаки».

Одновременно с подробностями пожара газета опубликовала и обращение к читателям с призывом помочь погорельцам Сахалина: «В результате пожара масса людей с детишками лишена крова и всего, что необходимо для жизни. Наступают уже холода. Жутко становится, как подумаешь об этих несчастных, оборванных, голодных и озябших китайских детишках. Осмеливаемся думать, что найдутся добрые люди, которые окажут материальную поддержку погорельцам, не считаясь с вопросом национальности».

Как это бывало и в других случаях, когда собирали деньги в помощь бедным, или пострадавшим от стихийных бедствий, или семьям, оставшимся без кормильцев, пожертвования принимали в редакции газеты «Эхо», а на её страницах регулярно печатались отчёты. Устроители маскарада в театре Роганова передали в пользу погоревших сахалинцев один из призов; военный губернатор Валуев пожертвовал 25 рублей; от пятидесяти копеек до нескольких сотен рублей приносили в редакцию газеты горожане. В общей сложности в короткие сроки жители Благовещенска собрали для погорельцев больше 4000 рублей (около четырёх миллионов на современные деньги).

С 17 по 19 сентября военного губернатора области, пограничного комиссара и городского голову Благовещенска посетило всё руководство Сахалина. Дао-тай (глава уезда) Яо-Фу-Шень лично принёс от себя и населения Сахалина глубокую благодарность за оказанную помощь и просил раздать между бывшими на пожаре пожарными в качестве награды 200 рублей.

20 сентября Благовещенский пограничный комиссар передал дао-таю Яо-Фу-Шень письмо: «На днях я получил от вас письмо и в нём 200 рублей, которые вы просили раздать нижним чинам пожарной команды, участвовавшей в тушении пожара. Пожарная команда, зная, что сгорело больше 400 домов, что много семейств осталось без крова и жизни, благодарит почтенного дао-тая за присланные деньги, возвращает их обратно и просит вас передать их бедным погорельцам».

И ещё одно письмо, опубликованное в те же дни: «Позвольте через посредство вашей газеты выразить искреннюю благодарность сахалинского населения лицам, принимавшим участие в тушении сахалинского пожара: благовещенскому городскому голове П.П. Попову, брандмейстеру благовещенской пожарной команды Бориско, пограничному комиссару Троицкому, инженеру Порохову, переводчику китайского языка Берковичу, приставу 3-го участка города Благовещенска Зубрицкому и всем вообще лицам, помогшим ликвидировать пожар. Представитель сахалинского населения Кин-Да-Чин».

Пожарные хроники

По материалам газет «Амурская газета», «Торгово-промышленный листок объявлений», «Эхо» за 1902-1912 годы.

1909 год. «22 октября состоялся годовой праздник пожарных служителей, к которому приурочено открытие пристройки во втором пожарном обозе. На торжестве присутствовали городской голова, гласные думы, некоторые почетные гости».

1910 год. «Брандмейстер 1-го и 2-го участков Д.Г. Сигулин награждён золотой медалью «За усердие» на Владимирской ленте для ношения на шее. Помощник брандмейстера 2-й пожарной части господин Божко в недалёком будущем будет представлен к награде».

1911 год. «Торговым домом «И.Я. Чурин и Ко» для раздачи пожарным за дружную работу на пожаре склада фирмы прислано в городскую управу 300 р. для брандмайора. Последний оставил себе 55 р., трём своим помощникам – по 15 р., остальные 200 р. разделены между нижними чинами».

1911 год. «Около трёх часов дня 11 марта горожане увидели огромный столб дыма. Он поднимался у тюремного замка. Дым заметили и дежурные на городских каланчах. Немедленно к тюрьме выехали пожарные команды. Оказалось, горела солома, заготовленная для матрацев. Пудов около пятидесяти. Ко времени прибытия пожарных солома сгорела вся. Осталось только залить пепелище водой – на всякий случай».

1911 год. «В полдень 25 мая с каланчи заметили большой столб дыма на Графской, между Соборной и Вознесенской. Полагая, что это пожар, туда выехали 1-я и 2-я части. Оказалось, что на площади сжигали огромную кучу старых веников».

1912 год. «В июне было три пожара, в июле – ни одного. Пожарные были заняты поливкой улиц».

1912 год. «Для надобностей пожарного обоза городская управа купила несколько бочек из-под спирта. Осматривая приобретение, брандмейстер Бориско слишком близко поднёс зажжённую спичку к отверстию одной из бочек, получился взрыв газов, пламенем ему сильно опалило голову. По счастью, глаза не пострадали».

ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

Телеграф – Телефон – Телефонные хроники – Электричество – «Электрические» хроники – Трамвай – Автотранспорт

Конец XIX – начало XX веков – время невероятного прогресса буквально во всех отраслях экономики, культуры, науки, техники, медицины. Несмотря на своё окраинное положение, Благовещенск не был чужд технического прогресса, а по некоторым показателям (производство муки, численность и тоннаж речного флота, количество велосипедистов) даже выходил на первые позиции в масштабах Российской империи.

Телеграф

В 1890 году по пути на Сахалин в Благовещенске останавливался великий русский писатель и драматург А.П. Чехов. Можно с уверенностью утверждать, что первым делом он отправился в почтово-телеграфную контору в надежде получить от кого-нибудь весточку. Он любил телеграф – это чудо техники XIX века! Однажды написал из Мелихова издателю А.С. Суворину, с которым был дружен: «Телеграфируйте мне о чём-нибудь. Я так люблю получать телеграммы».

Может быть, любовь эта объясняется тем, что телеграфисты безбожно перевирали передаваемые сообщения, и телеграммы были неиссякаемым источником сюжетов для ранней – сатирической – чеховской прозы? Чего стоит, например, телеграмма, которая нашла Чехова 7 июня 1890 года в Иркутске. Он пишет родным: «Получил сейчас от Суворина такую телеграмму: «Не хвались до стенли далеко приветствует золотая и медные бедные дом прекрасный жалеет что Вас нет хмурые люди второе издание всем на зависть вы бедный хороший мы вас любим студента Казанцева ныне скучно когда вас принесет обратно. Суворин». Мудрый Эдип, разреши!» «Ваши телеграммы, – писал Чехов Суворину по возвращении с Сахалина в Москву в декабре 1891 года, – получал я в невозможном виде. Все перевраны».

Конечно, Чехов ценил это новейшее средство связи и за удобство: телеграф обеспечивал невероятную скорость общения и значительно упрощал жизнь. «Желающим ехать на одном из первых пароходов в мае или начале июня, – сообщал томский «Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России», – советуем запастись билетами заблаговременно, ибо в первые рейсы все пароходы буквально переполнены пассажирами. Пароходные конторы, обыкновенно, оставляют билеты по письменным или телеграфным требованиям».

Остановившись в Екатеринбурге, Антон Павлович послал запрос в Тюмень и оповестил об этом родных: «...жду ответа из Тюмени на свою телеграмму. Телеграфировал я так: «Тюмень. Пароходство Курбатова. Ответ уплачен. Уведомьте, когда идёт пассажирский пароход Томск» и т. д. От ответа зависит, поеду ли я на пароходе или же поскачу 1½ тысячи вёрст на лошадях, по распутице». Через несколько дней Антон Павлович получил ответную телеграмму из Тюмени: «Первый пароход в Томск пойдёт 18 мая». «Это значило, что мне нужно было, хочешь – не хочешь, скакать на лошадях. Так и сделал», – сообщил он родным.

Первая почтово-телеграфная контора на Амуре была открыта в 1862 году, в Николаевске. Вскоре было принято решение о строительстве Амурской телеграфной линии от Сретенска до Хабаровки. Прорубали просеки, устанавливали столбы, тянули провода забайкальские и амурские казаки. В 1870 году амурский телеграф соединился с сибирским, а затем и с телеграфом Европейской России. В том же 1870 году была открыта телеграфная контора в Благовещенске. Она размещалась в трёх деревянных домах, арендованных у купчихи Е. Флеркевич (дома стояли в Проезжем переулке, теперь это часть городского парка).

Остров Сахалин с материком соединял подводный телеграфный кабель. На осуществление этого проекта Государственный совет Российской империи в феврале 1881 года выделил 250 тысяч рублей. В июле (!) того же года работы по прокладке кабеля были завершены. Среди

сахалинских каторжан ходили слухи о том, что по этому кабелю – его представляли в виде большой трубы – можно добраться до материка...

В 1890 году благовещенская почтово-телеграфная контора имела семь аппаратов и статус международной (отсюда можно было отправить телеграмму хоть в Париж, хоть в Сан-Франциско), работала круглосуточно, в ней числилось 28 служащих. Начальником был коллежский асессор К.И. Адамсон. В числе сотрудников было четверо датских подданных и – большая редкость по тем временам – женщина-телеграфистка Э.И. Паульсен.

В благовещенской почтово-телеграфной конторе (здесь телеграфисты были, видимо, более профессиональными и более ответственными, чем в Иркутске) Антон Павлович получил 26 июня 1890 года вполне «читабельную» телеграмму от Суворина. Алексей Сергеевич сообщал, что у родных Чехова всё хорошо и предлагал ему возвращаться в Европейскую Россию через Америку. Антон Павлович в ответ написал: «Вы телеграфируете, чтобы я возвращался через Америку. Я и сам об этом думал. Но пугают, что это дорого обойдётся». Если бы решился, Чехов первым из русских писателей совершил бы сухопутно-морское кругосветное путешествие.

Телеграммы были дорогим удовольствием. Отправители платили по пять копеек за каждое слово в Европейской или Азиатской России. Если телеграмма отправлялась «за Урал» или в обратном направлении, стоимость слова удваивалась, плюс пятнадцать копеек нужно было заплатить отдельно за саму телеграмму. По доходам в XIX веке телеграф уступал только винной монополии.

В начале XX века благовещенская пресса довольно часто писала о местном телеграфе, главным образом, когда с ним что-то случалось. В начале 1903 года, к примеру, на Зее проходила операция «по отысканию телеграфного кабеля» линии Благовещенск – Хабаровск (современное название было утверждено в 1880 году): он был проложен по дну реки. Надо было найти спайку «благодаря которой кабель действует не совсем исправно». Искали больше месяца. На песчаной косе вырыли канаву длиной около 120 метров и полтора метра глубиной. Местные чиновники уже хотели махнуть рукой, рассчитали рабочих и решили, что и так сойдёт. Но окружное телеграфное управление потребовало продолжить поиск и работы возобновились.

Нарушали бесперебойную работу телеграфа не только технические неполадки: «На перегоне Благовещенск – Буссе при осмотре телеграфной линии оказалась масса разбитых изоляторов. Начальник телеграфно-почтового округа винит в этом явлении местных жителей, бьющих изоляторы ради развлечения»; «На днях прекратилось телеграфное общение с Хабаровском. Причиной прекращения служит обрыв проводов через речку Архара. Пароход «Кондор», проходя по Архаре, задел трубой за провода, подвешенные над рекой, и оборвал их».

Мешали сообщению сильные грозы и ветер, пожары и наводнения. При авариях на прямой линии Сретенск – Благовещенск телеграммы в Европейскую Россию и Сибирь отправляли «в обход»: из Благовещенска – во Владивосток, оттуда по проводам, идущим вдоль Китайско-Восточной железной дороги, – в Забайкалье и дальше – на запад. Ответные сообщения передавались в обратном порядке. Телеграммы приходили адресатам с задержкой на несколько дней.

В 1910 году в Петропавловске-Камчатском строилась радиостанция – одна из самых мощных по тем временам. На следующий год между Благовещенском и Камчаткой было налажено радиотелеграфное сообщение.

1911 год стал прорывным для амурского телеграфа. В сентябре начала работать линия Благовещенск – Красноярское – Ивановское – Мазановская. В том же месяце в Амурском управлении водных путей сообщения при участии представителей пароходчиков, горнопромышленников, переселенческого управления, управления строительства средней части Амурской железной дороги и биржевого комитета состоялось совещание. Поводом для него стала просьба начальника почтово-телеграфного округа «сообщить сведения, необходимые для

изыскания устройства новых телеграфных линий, а именно, на каких пунктах желательно установить телеграфные станции».

Участники совещания дали ответ очень оперативно, назвав требуемые пункты, снабдив выбор пояснениями.

Овсянка на Зее. Отсюда начинается зимняя дорога в золотопромышленные районы, а летом здесь располагаются склады.

Кухтерин Луг на Зее – один из центров переселенческого движения, крупный торговый центр, здесь выход на Амурскую железную дорогу.

Ивер на Зее. В районе села казённые каменоломни, залежи мрамора, известковые заводы, золотые прииски, на реке – перекаты, опасные для судоходства.

Новопокровка на Амуре. Это крупный «заселённый» центр. Вверх и вниз от Новопокровки перекаты, на которых пароходы часто налетают на камни, садятся на мель. В случае аварии парохода очень нужна связь.

«Помимо этого, желательно было установить телеграфные станции в Белогорье, Новоандреевке, Суражевке, Красноярово», – решили участники совещания, и подсказали телеграфному руководству: лучшее время для изысканий – май-июнь, для строительства – июль-середина октября.

В том же году в благовещенской почтово-телеграфной конторе был установлен новейший аппарат «Дуплекс» системы «Уинстон» для связи с Иркутском и Владивостоком. На этих аппаратах можно было одновременно принимать и отправлять телеграммы. Увы, работать на них было некому. В 1909 году Благовещенская почтово-телеграфная контора была переведена из второго разряда в первый, имела право увеличить штат на 20 человек, но местных телеграфистов не было, из Европейской России специалисты не ехали по разным причинам, в том числе и потому, что им не платили подъёмные. «18 сентября Владивосток прекратил работать с Благовещенском, заявив, что у них нет винстонистов (так называли тех, кто работал на аппаратах «Уинстон»), – сообщала газета «Эхо» 22 сентября 1911 года. – Мы думали, что у нас нет кадров, оказывается, это явление хроническое».

Летом 1912 года начальник края Н.Л. Гондатти, побывав в Благовещенске, посетил почтово-телеграфную контору и обратил внимание на «сравнительно малочисленный состав служащих-телеграфистов в силу чего некоторые аппараты бездействовали». Он затребовал направить из Европейской России двадцать почтово-телеграфных чиновников специально для благовещенской конторы.

В 1908 году сам редактор газеты «Торгово-промышленный листок объявлений» А.А. Константинов побывал в почтово-телеграфной конторе и описал условия, в которых работали тамошние чиновники: «Дежурят сутки через двое. Ночью отдыхают 4-5 часов. Комната на 6-7 человек, а диван только один. Где они отдыхают? Рядом с аппаратной – уборная. В ней освещение плохое, нет вентиляции. Мне случалось бывать в квартире, занимаемой начальником почтово-телеграфной конторы, и я нахожу, что она устроена весьма комфортно и снабжена всеми удобствами настолько же, насколько помещение почты и телеграфа их не имеют».

Начальник почтово-телеграфной конторы В.Е. Раздеришин посчитал обвинения несправедливыми и ответил через газету: «В аппаратной кожаный диван один, а в конторе их девять! Есть где отдыхать. Константинов легким балетным пируэтом обходит неудобные для него места и замечает только то, что хочет». Об уборной, которая отравляла атмосферу миазмами, – ни слова.

Телефон

Первые в Благовещенске телефоны установили в своих магазинах фирмы «И.Я. Чурин и Ко» и «Эмери Инок и Ко» – для служебного пользования. Было это в 1890 году.

Упоминание об оборудовании городской телефонной сети в Благовещенске удалось обнаружить в «Амурской газете» от 23 июня 1896 года. Заметка в одну строку: «Устройство теле-

фонной сети в городе быстро продвигается вперёд под личным наблюдением электротехника Успенского» (Василий Степанович работал техником Благовещенской почтово-телеграфной конторы, преподавал арифметику в Алексеевской женской гимназии).

На организацию телефонной связи требовалось 22 000 рублей, с горожан собрали 10 000 рублей, остальные средства поступали в виде предварительной абонентской платы. Кассиром этого предприятия выбрали С.С. Шадрина.

Телефонная связь в Благовещенске начала действовать 1 декабря 1896 года. Сначала станция располагалась в деревянном здании на том месте, где сейчас стоит гостиница «Зея».

В «Обзоре Амурской области за 1908 год» приводятся данные о деятельности городской телефонной станции. На 1 января 1909 года в Благовещенске насчитывалось 367 абонентов первой категории (такой абонент располагался не дальше двух вёрст от центральной станции, годовая плата – 75 рублей), 103 абонента второй категории (абонент располагался от центральной станции дальше, чем две версты; годовая плата 75 рублей плюс за каждые 100 саженей свыше двух вёрст – ещё по три рубля), служебных телефонов – пять, общее число аппаратов – 503. «Протяжение голых проводов на воздушных линиях» – 983 сажени 360 аршин. Число переговоров за год (оказывается, их тоже считали!) – 1 798 430. Сумма поступлений за 12 месяцев – 38 024. В штате телефонной станции состоял 21 сотрудник, в том числе 12 телефонисток.

В 1914 году для телефонной станции построили каменное здание на пересечении Иркутской и Торговой. Архитектор – военный инженер Э.И. Шеффер.

Жители города активно пользовались услугами телефонной сети.

Вызывали врачей... Когда в ресторане «Македония» посетитель выстрелил в себя из револьвера, начали по телефону вызывать врача. Но врачи (дело было накануне нового, 1909 года) были, кто в клубе, кто в театре, кто в гостях. Наконец, дозвонились до доктора Хоммера. Он приехал, «подал» первую помощь, отправил пострадавшего в Красный Крест. Не будь телефона, на поиски доктора потратили бы полночи.

Отправляли важные сообщения... В августе 1911 года министр путей сообщения С.В. Рухлов инспектировал ход строительства Амурской железной дороги и 13 августа прибывал по Зею в Благовещенск. Корреспондент газеты «Эхо» подробно описал это знаменательное событие: «Задолго до появления парохода «Амур» к министерской пристани начали съезжаться начальственные лица, представители города и духовенства. В начале 1-го часа дня пристань получила телефонаду (сообщение, переданное по телефону) из Астрахановки от командующего судходного старшины о том, что пароход с министром проследовал Астрахановку.

При подходе парохода к министерской пристани министр стоял на верхней палубе, откуда раскланивался с публикой (обязательная церемония встречи: городской голова приветствует, городская депутация преподносит хлеб-соль). Министр сказал: «Строительство Амурской железной дороги идёт успешно, через год-два в Благовещенске услышат свисток паровоза» (регулярное железнодорожное сообщение из Благовещенска началось в 1913 году).

Менее важные, чем приезд министра, сообщения абоненты телефонной станции игнорировали, как, например, в сентябре 1909 года. «Корабельная контора иногда вызывает со стороны пароходоладельцев справедливые нарекания за проволочки в оформлении документов, – пишет рассерженный читатель газеты «Эхо». – Так, 16 сентября, пароходы «Мария» и «Александр» должны были выйти из Благовещенска в 7 часов утра, вышли около 10 часов дня. Задержка произошла из-за того, что дежурный чиновник Добжинский вместо 7 утра, когда должна открываться контора, явился около 10 часов несмотря на то, что собравшиеся в конторе пароходные служащие четыре раза по телефону напоминали о себе в таможенную заставу!»

Собирали нужные сведения... До появления телефонов врачи сообщали о случаях заразных заболеваний (почти постоянно в городе регистрировали скарлатину, дифтерит, оспу, тиф, дизентерию и т.д.) городскому врачу и в городскую управу по почте. На это уходило не меньше,

чем два-три дня. По телефону сведения можно было передать в несколько минут. 13 ноября 1911 года попечительский совет городских лечебных заведений обратился с просьбой к врачебному управлению (действовал такой порядок) обязать всех практикующих в городе врачей извещать о заразных заболеваниях городского врача, на обязанности которого лежит дезинфекция помещений, – по почте, а городскую управу – по телефону. Предложение попечительского совета было одобрено.

Делали заказы... Ещё в 1899 году «Амурская газета» из номера в номер публиковала объявление: «Сим довожу, что с 4 декабря открыта мясная торговля по Амурской, между Торговой и Мастерской, в доме Буянова, ежедневно, с 6 утра до 7 вечера. Для удобства публики заказы принимаются по телефону №252 с доставкой на дом». Да, ничто не ново под Луной.

Возможность иметь оперативную связь стоила дорого. «Телефон такие изрядные барыши получает, что не мешало бы об удобствах абонентов подумать», – возмущались обыватели, недовольные качеством услуг, и приводили в своих письмах в газеты подробности: «В последнее время телефоны соединяются, разъединяются, звонят без всякого участия со стороны абонентов. Чтобы поговорить с кем-то, требуется больше усилий, чем если бы пользовались услугами извозчика»; «Телефон в Благовещенске создан исключительно для мучений публики. На микроскопической станции кроме «Не слышу, повторите!» нельзя добиться ничего»; «Из первого полицейского участка вызывали центральную телефонную станцию около часа. Соединение дали на полминуты, потом снова пришлось полчаса дозваниваться. Но не получилось – с кем бы ни просили соединить, всё время отвечали от Курилова» (контора Курилова занималась отловом бесхозных, уборкой и утилизацией околевших животных).

А ещё из-за телефонов происходили разные непонятные, неприятные, а то и опасные явления. Однажды заведующий бактериологической станцией В.А. Смолич, разговаривая по телефону, ...упал в обморок. Придя в себя, написал и отправил письмо в газету «Эхо»: «Милостивые господа редакторы! Через посредство вашей уважаемой газеты обращаюсь к господам электротехникам за разъяснением одного весьма интересного случая, который, однако, мог окончиться для меня очень печально.

21 числа в 4 часа вечера ко мне обратились по телефону (живу я в бактериологической станции, в пяти верстах от города). Отвечая пригласившему, я плотно прижал трубку к уху, так как с трудом мог расслышать слова, но в это время почувствовал звон в ушах и в глубоком обмороке я упал, ударившись лицом о стоявший подле меня стул. Очнувшись от обморока, я увидел возле себя лужу крови и, как ни был слаб, но первой мыслью было остановить сильное кровотечение из носа, явившееся следствием моего падения и довольно серьёзных ушибов, что и удалось сделать при помощи имевшихся под рукой средств и подоспевшего на помощь фельдшера городской бойни.

Обморок произошел с такой быстротой, что я положительно не могу отдать себе отчёта, как всё это случилось, а равно не могу объяснить причины такого небывалого со мной явления тем более, что я вполне здоров и в тот день чувствовал себя хорошо. Мой партнёр говорит, что и он почувствовал, как бы удар (не от падения ли брошенной мной трубки?), что заставило его на время отнять трубку от уха.

Не отрицая возможности самостоятельного обморока, я желал бы знать от компетентных лиц, возможно ли по техническим условиям устройства телефона передача путём этого последнего настолько сильного электрического тока, который мог бы обусловить обморок человека?» Чуть позже Владимир Алексеевич получил от электротехников разъяснения (то, что они ему сообщили, сегодня изучают в седьмом классе средней школы).

В другой раз во время грозы в конторе управления Амурской железной дороги «дважды произошла разрядка электричества, причем, был испорчен телефон, у которого сожжен предохранитель». Рядом с телефоном чиновники видели шаровую молнию, ещё они слышали звук наподобие револьверного выстрела. В общем, страху натерпелись.

Гроза в тот день была, видимо, сильнейшая: на набережной Амура против арки разрядами «изорвано на части несколько проводов».

Очень быстро присмотрелись к телефонам воры и грабители. Время от времени местные газеты под заголовком «К сведению обворованных» помещали списки краденых вещей. Вот полный перечень добра, похищенного у обывателей Благовещенска в июне 1912 года. «В сыском отделении находятся следующие краденые вещи, отобранные у разных лиц: тесак казённого образца, серебряный портсигар с двумя золотыми монограммами, портсигар кавказского серебра, разные карманные часы, новый ручной фотографический аппарат, новая голубоватого цвета скатерть с плюшевой отделкой, совершенно новые вилки, ножи и ложки фразе (изделия варшавской фирмы французских ювелиров из посеребренной меди), два совершенно новых будильника, столовые часы орехового дерева, два золотых обручальных кольца, три перстня, золотая двубортная тонкая цепь, золотой суперик (тоненькое колечко с камнем), железная дорожная складная кровать, золотая брошь, совершенно новая телефонная трубка со шнуром, телефонный аппарат».

Из криминальной хроники 1 августа 1912 года: «В ночь на 31 июля из мастерской Рунгайна по Графской, в доме Скрябина, неизвестными, пробравшимися в мастерскую через окно, украдено три велосипеда, пять револьверов, ружьё системы «Монтекристо» и один телефонный аппарат. Велосипеды найдены брошенными недалеко от мастерской, телефонный аппарат – под мостом на Рёлочном переулке, против дома Лукина».

Идя на грабёж, злодеи теперь первым делом обрывали телефонные провода. В апреле 1908 года восемь человек ограбили контору Х.П. Тетюкова. Очевидец описал происшествие так: «Наставили револьверы и ружья, двери закрыли, телефон оборвали. Пограбили 10 000 рублей».

А вот анекдотичный случай. Владелец магазина Симонишвили спал в торговом зале на прилавке, когда в два часа ночи к нему забрались воры. Они набрали вещей на 80 рублей, уходя, уронили бутылку с вином. Звук разбитого стекла разбудил хозяина. Он проснулся, побежал за ворами, но догнать никого не смог. Сообщить о происшествии в полицию тоже не получилось: злодеи обрезали телефонный провод.

Телефонные хроники

По материалам газет «Амурская газета», «Амурский листок», «Торгово-промышленный листок объявлений», «Эхо» за 1902-1912 годы.

«Обнаружив убийство Дубровских, Дмитриев явился в контору инженера Эмери как самое ближайшее место, где есть телефон, чтобы сообщить в сыское отделение. Швейцар, ссылаясь на распоряжение хозяев, не позволил ему передать сообщение. Дмитриев смог позвонить только когда швейцар ушел спрашивать разрешения. Назавтра Дмитриеву понадобилось вновь сообщить, но швейцар отказал: «Мне за вчерашнее досталось» и выпроводил его. В таких экстренных случаях едва ли есть основания для отказа».

«Переводчики китайцы Ван-Жи и Сун-Фа-Фу держат подпольную игру и опиекурильню, принуждают китайцев ходить туда. Не получая содержания (зарплаты), они арендуют громадные квартиры, имеют китайскую прислугу и телефоны! Конечно, их ежедневный доход 50-100 рублей».

«Торговый дом «Алексеев с С-ми» и другие заинтересованные коммерсанты на свои средства устроили корабельную контору на Зее. На их же средства установлен телефон».

«Заведующий телефонной станцией обратился в городскую управу с просьбой убрать киоск на углу Торговой и Амурской – он мешает телефонным проводам. Управа отказала, так как киоск сдан в аренду, срок аренды ещё не закончился, снести нельзя».

«В видах большой и более своевременной осведомлённости мы, не останавливаясь перед большими затратами, вошли в соглашение с собственными корреспондентами во всех сколько-нибудь значительных пунктах земного шара и междупланетного пространства и все сообщения

оттуда с настоящего времени будем получать по беспроводному телефону, который недавно установили у себя» (шутка газетчиков редакции «Эхо» 16 ноября 1909 года).

Электричество

Первые частные электростанции в конце XIX века устроили торговые дома «Кунст и Альберс», «И.Я. Чурин и Ко», «Коковин и Басов», винокуренный завод Лукина. Они использовали электричество для снабжения энергией своих предприятий и домов, а также продавали киловатты ближайшим состоятельным соседям.

Когда в 1908 году в Благовещенске начала действовать городская электростанция, управа потребовала от частных электростанций «убрать в недельный срок проходящие через улицу провода». То есть никаких сторонних абонентов у частных электростанций быть не должно, вырабатывать электроэнергию они могли только для собственных нужд. Может, и напрасны были эти строгости: из-за больших накладных расходов тарифы частных станций были значительно выше и постепенно они сами ликвидировали свои электростанции. Так, летом 1910 года на освещение от городской электростанции перешел винокуренный завод наследников В.М. Лукина, потому что собственная станция требовала расходов на 900 рублей в месяц.

«Электрическое дело» было новым и неизведанным. Наверное, поэтому у городской думы ушло аж два года на разработку правил пользования электрической энергией: утвердили их только в конце 1910 года. Согласно правилам, каждый горожанин, пожелавший иметь в доме электричество, подавал прошение в контору станции, при этом подписывал «обязательства с условиями поставки и оплаты». За присоединение к сети платили 10 рублей. Если же надо было устанавливать дополнительные столбы, ещё по 10 рублей за каждый новый столб. Установка одной лампочки обходилась тоже в 10 рублей (в 1910 году в домах благовещенских абонентов было уже 10 000 лампочек). За свет платили ежемесячно – в течение семи дней с момента получения извещения. При несвоевременной уплате поставка электроэнергии прекращалась.

Тарифы на электроэнергию утверждались постановлениями местных органов самоуправления, поэтому по всей России стоимость «кило-ватта» (так в то время писали привычное нам слово «киловатт») была разной. В декабре 1909 года одна из благовещенских газет напечатала заметку на эту тему: «В Уфе и Полтаве один кило-ватт стоит 40, в Кременчуге и Тифлисе – 35, Оренбурге – 36, Москве – 50 копеек. Следовательно, наша плата 40 копеек за кило-ватт довольно дешева в сравнении с указанными городами». Поразительно, но благовещенский тариф на электроэнергию в то время не повышался, а понижался: с 1 января 1911 года частные абоненты платили за «кило-ватт» 30 копеек (а во Владивостоке – 28 копеек).

В октябре 1909 года в городе работало 28 электромоторов общей мощностью 85 лошадиных сил. Новейшие двигатели были задействованы в мастерских, банях, типографиях, на водокачках. Одной из первых была оснащена мотором колбасная фабрика Ортнера. Пивоваренные заводы «Амур» и «Кобоско» поставили сразу по три мотора. На краскотёрочном заводе Н.Г. Шелудякова работал мотор в пять лошадиных сил! К слову, «промышленный» тариф, был значительно ниже, чем «обывательский»: 24 копейки за «кило-ватт».

На 1 апреля 1911 года в Благовещенске освещалось электричеством 652 квартиры, 25 городских зданий, 43 абонента получали энергию для электрических моторов; за абонентами числилось около 14 000 рублей недоимок.

Электромонтёры начала XX века были на передовой прогресса, а назывались они установщиками: «Артель установщиков электрического освещения принимает всевозможные электрические работы, обеспечивает дежурство»; «Получены лампы Танталя, дающие экономии в расходе 55 % энергии. Установка электроосвещения в домах, магазинах и т. д. в расрочку платежа на целый год. Исполняет М.С. Кравчинский».

Услуги электромонтеров оценивались очень дорого. Вот пример. В феврале 1909 года в Общественном собрании устраивали бал в пользу Благовещенской общины сестёр милосер-

дия. В числе прочих расходов такие: «За ужин музыкантов (целый оркестр) – 20 рублей, за электрические эффекты монтеру – 35 рублей».

Счётчики (их, как и другое электрическое оборудование, выписывали из Германии), которые устанавливали в домах абонентов, были собственностью электростанции. Конечно, потребители с недоверием относились к чужим агрегатам и по любому поводу жаловались. В том числе на то, что счётчики «вращаются не только от прохождения по ним тока, но и от сотрясения дома, производимого открыванием и закрыванием дверей. При такой их старательности придётся платить за каждый вход и выход из дома». Техники электростанции по каждой жалобе проверяли работу счётчиков и советовали хозяевам придерживать двери, а не хлопать ими.

С появлением собственной электростанции городское самоуправление первым делом решило заменить газовые уличные фонари на более экономичные и эффективные электрические. Для этого утвердили специальный тариф: 22 копейки за «кило-ватт» (уличное освещение оплачивали из городского бюджета). «Электрическая станция получила 30 дуговых фонарей из Гамбурга, – сообщает газета «Эхо» в феврале 1910 года. – Фонари были выписаны давно, но в августе 1909 года пароход «Ева», который их вёз, погиб в Средиземном море». Пришедшие с большим опозданием фонари установили не только в городе (на набережной Амура и улице Большой – на каждом квартале, на остальных – по фонарю на два квартала), но и в Забурхановской слободе. Правда, очень скоро за Бурхановкой снова стало по ночам темно – местные «ребята» все фонари перебили.

Первые уличные фонари выключались и включались вручную: рубильники стояли на каждом столбе, любой прохожий имел к ним доступ. Прекрасное развлечение для хулиганов: они зажигали и гасили фонари, когда вздумается. Горожане жаловались. Чтобы навести порядок, электростанция поставила рубильники особой системы, ими могли пользоваться только монтеры. Так безобразники разбили рубильники! Несколько раз электростанция меняла выключатели, пока шпана не успокоилась.

Это в центре города. А на окраинах – свои проблемы. Для всех фонарей в западном конце города установили общий выключатель – на одном из столбов. Распоряжаться зажиганием и тушением фонарей поручили полицейскому. Жители окрестностей возмущались, что подолгу не видят ни полицейского, ни уличного освещения.

Не стоит преувеличивать размах электрификации Благовещенска: в 1909-1910 годы электроэнергией для освещения домов пользовалось меньше 10% горожан – только богатые и очень зажиточные. Малоимущие обыватели по-прежнему жили при керосиновых лампах, свечах, а то и при лучинах.

Электрические хроники

По материалам газет «Амурский листок», «Торгово-промышленный листок объявлений», «Эхо» 1908-1912 гг.

«Вечером неизвестно кем из помещения народной читальни была отвернута и унесена электрическая лампочка».

«К рабочему электростанции, снимавшему разбитые фонари на Садовой улице, подошли несколько человек и спросили, почему не горит электричество, после произвели ряд выстрелов в фонарь. Перепуганный рабочий поспешил скрыться».

«Всеобщая компания электричества выслала 6000 сажень изолированного провода для замены голого провода в тех местах, где телеграфные провода пересекаются с электрическими».

«Монтер Грачёв ранил в голову монтера Холодова молотком. Причина – личные счёты».

«В Горбылёвке, против Никольской аптеки, оборвало провода уличного фонаря. Около 6 утра там проезжал на паре лошадей работник Косицына. Лошадь наступила на провод. Током

она была сшиблена с ног и оглушена. Только через четверть часа пристяжка встала на ноги и смогла двигаться».

«В доме Романова обнаружен провод от лампы, присоединенный выше счётчика, поэтому счётчик не регистрирует ток, чем наносится ущерб городским интересам».

«За ноябрь (1910 год) выручка станции составила около 20 000 рублей: 63 000 киловатт отпущено для абонентов, 6500 – для уличных фонарей. Расход на дрова (электростанция работала на дровах) – 3 000 рублей».

«Благовещенский мещанин К.Ф. Хрипушин подал прошение в городскую управу об аренде участка в пять квадратных саженей на Чуринской площади, чтобы устроить световой экран объявлений, а именно, деревянную будку и полотняный экран. С помощью электрического фонаря световую рекламу планировал показывать с 10 до 11 часов вечера» (сентябрь 1915 года, первая световая реклама!).

Трамвай

С появлением городского электричества в Благовещенске задумались о «постройке трамвая». Списывались по этому вопросу с иностранными компаниями, давали объявления в столичных газетах, приглашая к сотрудничеству лиц, «могущих взять на себя оборудование и эксплуатацию трамвая».

Первый на Дальнем Востоке трамвай пустили в 1912 году во Владивостоке: пять вагонов, пять вёрст. Благовещенская дума планы составляла с размахом. По первому варианту (1908 год) рельсы должны были пройти по Большой и Амурской (от Артиллерийской до Невельской) и по Садовой до будущего железнодорожного вокзала (он только проектировался). Общая протяженность трамвайных линий – 19 вёрст, а на них – девять двухмоторных вагонов, в каждом по 30 мест «в салоне» и на открытой площадке – ещё 16.

В 1912 году управа подготовила план «замощения» улиц и новый проект устройства трамвайного движения. Рельсы должны были пройти по Большой улице – от Офицерской до Корсаковской; по Офицерской – от пристани на Амуре до Иркутской улицы; от Набережной Амура до вокзала – по Благовещенской улице (с переходом по Соборной на Садовую).

Дальнейшие расчёты показали, что трамвай, скорее всего, принесёт убытки, а не прибыль, и от идеи его «строительства» отказались.

Автотранспорт

Когда появился в Благовещенске первый автомобиль, пока установить не удалось, но точно можно сказать, что в 1911 году их было уже больше двадцати – частных и ведомственных. Только в распоряжении управления строительства средней части Амурской железной дороги было 15 авто. Управление водных путей Амурского бассейна «в целях более скорого сообщения как начальствующих лиц, так и служащих», установило автомобильные рейсы между управлением (угол Мастерской и Набережной) и министерским затоном на Зее. Реклама 1911 года предлагала покупать автомобили для городской езды, грузовики (грузоподъемностью до 500 пудов), фургоны для товаров в акционерном обществе «Адлер» (Большая, угол Чигиринской, дом Родионовой).

Летом 1911 года представитель АО «Адлер» Маленков подал в городскую управу заявление о том, что он «совместно с несколькими лицами» с 1 июля устраивает грузопассажирское движение по улицам Благовещенска и просит сообщить, будут ли препятствия, а именно: «Будут ли какие-то сборы и какие суммы с каждого мотора? Не найдёт ли управа возможность разрешить монопольное право эксплуатации движения на 10 лет? Не пожелает ли управа принять участие в названном предприятии в виде бесплатного отвода городской земли под гаражи, ремонта улиц и так далее?»

Одновременно с Маленковым подал заявление А.М. Соколовский. Его проект организации городского автомобильного движения был на два пункта длиннее, чем у конкурентов. «1. На Большой, Зейской, Садовой, Амурской, Торговой устроить омнибусное движение – конное

и автомобильное. Омнибусы и автомобили в зимнее время будут крытые, рессорные, типа лёгких вагонов. 2. Вначале, в виде опыта, по Большой будут ходить две пары конных омнибусов и одна пара автомобилей с империалом (империал в данном случае – второй этаж, на котором тоже размещались пассажиры). Если будет прибыльно, можно будет увеличить число омнибусов. 3. Будут заведены четырёх-, шести- и 12-местные автомобили для городского и загородного движения. 4. В учебное время, перед началом занятий и к их окончанию, к мужской и женской гимназиям будут подаваться автомобили специально для учащихся, по абонементным билетам. 5. Отходить от конечных пунктов автомобили будут через каждые пять минут».

А.М. Соколовский сам предложил вариант налогообложения. В первый год просил от налогов освободить, со второго года был согласен платить по 30, с пятого – по 50 рублей в год с каждого автомобиля. Плату за езду на городских маршрутах он определил такую: на автомобилях – 15 копеек (на империалах – 10 копеек), в конных омнибусах «за конец» – 5 копеек (всего предполагалось три «конца»: Загородная – Торговая, Торговая – Театральная, Театральная – Невельская). По абонементным билетам предполагалась скидка: учащимся 25 %, прочим – 20 %.

Следом за Маленковым и Соколовским о желании организовать автодвижение заявила местная биржевая артель.

В декабре 1911 года дума обсуждала вопрос «О разрешении грузового и пассажирского движения на улицах города». Городская управа высказалась за разрешение только пассажирского движения, полагая, что городские улицы не выдержат грузового транспорта. Дума с мнением управы не согласилась и, признав в принципе желательность автомобильного движения, как пассажирского, так и грузового, поручила управе «выработать кондиции на сдачу движения и назначить конкуренцию (конкурс) на него».

Пошло полгода. А.М. Соколовский, который выиграл «конкуренцию», готовился начать дело. Накануне открытия автодвижения по городским улицам по актуальному вопросу высказался невероятно активный общественник Г.И. Клитчоглу. Своё пространное письмо он разместил в газете «Эхо».

«Проект движения нуждается в некоторых исправления, которые спешу указать.

По Большой улице остановка предложена на Театральной, где скопления публики не бывает, и нет остановки на Буссевской, где в учебное время всегда будет много желающих воспользоваться услугами экипажа. По Иркутской улице нет остановки на углу Мастерской, у женской гимназии. Как на Буссевской, так и на Мастерской остановки будут неизбежны, поэтому не будет ли практичнее предусмотреть их заранее?

Плата от Загородной до Невельской 15 копеек. За всякое промежуточное расстояние плата такая же. Ввиду этого при малых расстояниях для малоимущего населения автомобиль станет недоступным. Да и имущие классы при малых расстояниях предпочтут извозчика, который довезёт за 20 копеек к самому подъезду.

Особенно неудобна плата за всю линию для учащихся, которым за 6-8 кварталов приходится платить по 7,5 копеек. Это доступно далеко не всякому. Было бы практичнее для предпринимателя и обывателя разбить линии Иркутскую и Большую по крайней мере на два участка: Загородная – Буссевская и Буссевская – Невельская, взимая за каждый участок по 8 копеек, а с учащихся – по 4 копейки. Плата 15 копеек неудобна для учащихся: при 50%-й скидке им всегда придётся иметь в запасе полукопейку – монету, имеющую очень небольшое хождение. Плата по Садовой тоже очень высока. Её можно ограничить до 12 копеек и тоже разбить на два участка.

В заключение скажу: автомобильное движение должно обслуживать главным образом малоимущее население, только тогда оно будет выгодно».

29 июня 1912 года можно считать местным автопраздником: в этот день открылось пробное пассажирское автомобильное движение (плата за проезд – 20 копеек с человека «в конец»; прислушались-таки к Клитчоглу, округлили цену, но отнюдь не уменьшили её).

Для начала запустили один автомобиль. Весь день он курсировал по Большой улице от сада при Общественном собрании (его называли ещё городским и общественным) до сада туристов. Остановок сделали шесть: общественный сад, Чуриная площадь, улица Благовещенская, улица Станичная, у Шадринского собора, у сада туристов. Движение началось в час дня, закончилось в 12 ночи.

Всего автомобиль сделал одиннадцать рейсов и перевёз около 700 человек! Газетный репортёр отмечал в отчёте: «Многие из проезжавших жалуются на сильную тряску, которая происходит из-за того, что рессоры автомобиля рассчитаны на груз в 400 пудов, публика же, находящаяся на автомобиле, весит значительно меньше».

На следующий день, в воскресенье, запустили несколько авто и работали они уже до двух ночи.

По традиции городскую сенсацию прокомментировал в стихах один из местных поэтов, подписавшийся «Родион Павлов». Своё творение он озаглавил «Автомобиль и извозчик».

По улицам плавно машина бежит
И шоффер ей правит умело,
В вагонах двух публики много сидит,
И слышится «Это вот дело!»
На лицах восторг! Умиление в сердцах.
Теснят и толкают друг друга.
Лишь изредка вырвется дамское «Ах!»
От радости – не от испуга.
Один лишь извозчик уныло стоит,
О днях золотых вспоминая.
И злыми глазами на чудо глядит,
Проклятья ему посылая.
«Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертью машина грозила!
Недаром же верят все в нашей семье,
Что это нечистая сила».

...В июле 1912 года среди гласных городской думы появилось мнение, что «в осуществлении проекта (какое современное звучание!) автомобильного движения приходится сильно сомневаться». Оказалось, победивший соперников господин Соколовский почему-то не спешил с заключением договора с городским самоуправлением. Чтобы выяснить, в каком положении находится дело, городская управа по поручению думы обратилась 20 июля к Соколовскому с запросом, желает ли он заключить договор, и, если желает, каким образом он предполагает осуществить предприятие?

В августе того же года стало известно, что организуется Амурское автомобильное товарищество, которое планирует установить автомобильное движение в местах, где это окажется выгодным и не только в столице Приамурья. Начать свою деятельность организаторы товарищества хотели бы с Благовещенска, но не на выработанных думой условиях (к сожалению, неизвестно, какими они были). «Эти условия, – заявили организаторы товарищества, – неприемлемы для какого угодно предпринимателя».

Для начала члены товарищества хотели бы поставить в городе четыре автобуса и несколько легковых автомобилей (последние будут подаваться по заказам, то есть как такси – сегодня). Автомобили будут ходить по Большой улице, которая делится по длине на три участка: от Загородной до Торговой, от Торговой до Кузнечной, от Кузнечной до набережной

Зеи. За проезд каждого участка плата устанавливается 10 копеек. Дети до пятилетнего возраста от платы освобождаются. Ученики платят по 7 копеек. Первые четыре автомобиля прибудут в Благовещенск к 1 сентября. Если дело пойдёт, число автомобилей будет увеличено. А ещё новое товарищество просило... убрать с улиц автомобили конкурентов. Если же их условия не примут, они «изберут для своей деятельности другой пункт области».

И тут объявился господин Соколовский, которому чуть не два месяца назад городская дума сдала в концессию автомобильное движение по улицам Благовещенска. Объявился своеобразно. Не объясняя своего молчания, не извиняясь за задержку с оформлением соглашения, он подал в управу заявление и просил внести изменения в выработанные ранее городом условия. Он предложил, во-первых, запретить движение обозов с грузом по Большой улице. Во-вторых, ...обещал начать регулярное движение только с июня будущего года (!). До этого времени пусть перевозят пассажиров автомобили других предпринимателей, милостиво разрешал Соколовский, а когда поедут его машины, за каждый посторонний автомобиль, работающий с разрешения городского управления, город должен будет уплачивать ему, Соколовскому, по 50 рублей в сутки. Такой вот ультиматум.

Дума отреагировала очень быстро. В заседании 31 августа депутаты обсудили предложения А.М. Соколовского и разрешили ему открыть движение с 15 июля 1913 года; установили, что движение в холодное время года будет начинаться с половины восьмого утра, в тёплое – на час раньше, а заканчиваться в девять вечера (круглый год); согласились, чтобы 1 января, в Страстную субботу, в первый день Пасхи, в Сочельник 24 декабря и в первый день Рождества Христова движение автомобилей считалось необязательным. От предложения отвечать за движение чужих автомобилей ещё и платить за них Соколовскому дума отказалась, как и от запрета на грузоперевозки по Большой улице.

Ходатайство городских легковых извозчиков, которые наивно лелеяли надежду препятствовать прогрессу и подали в думу прошение «не разрешать автомобильного движения до весны 1913 года», было отклонено.

В том же заседании думы было решено удовлетворить ходатайство Амурского автомобильного товарищества и разрешить ему открыть движение в первых числах сентября. Товарищество будет платить в городскую казну «по три рубля с каждой силы двигателя».

Автомобильное товарищество в сентябре ничего не сделало потому, что автомобили добрались до Благовещенска только в начале октября. Двадцатого числа начались испытания. По Большой пустили два крытых авто на 12 и 15 мест, по Амурской – один, грузовой, «приспособленный на 18 пассажиров».

Открылось регулярное движение только 1 декабря 1912 года и, похоже, тут же закрылось, потому что 2 декабря на углу Большой и Буссевской сторел гараж, а в нём... все автомобили Амурского автомобильного товарищества! Убытку на 25 800 рублей. «Причина пожара не выяснена, – писала газета. – Предполагают неосторожное обращение с огнём». Других сообщений об Амурском товариществе до конца года в печати больше не было...

Разнообразная, в основном сельскохозяйственная, техника (сеялки, веялки, молотилки, локомобили, моторы и т. д.) поступала в Амурскую область из Европейской России и из-за границы с момента начала массового переселения крестьян. В 1912 году обнаружился спрос на выпуск автомобилей. Как сообщала газета «Эхо», «за последнее время в местную таможенную является много лиц за справкой о сумме пошлины на автомобили, привозимые из-за границы. 12 сентября посетил таможенную один из крупных коммерсантов, который выписывает из Харбина шесть автомобилей. Пошлина взимается в следующем размере: за четырех- и более местный автомобиль – 220 рублей, за менее местный – 140 рублей».

Вероятно, первый на Дальнем Востоке и один из первых в России автомобиль был построен в Благовещенске, на заводе И.П. Чепурина. Было это в 1914 году. Задумал и реали-

зовал проект К.И. Чепурин. Он окончил Иркутское промышленное училище и политехнический институт в Бельгии, работал главным инженером принадлежавшего отцу завода.

Производство автомобилей в России только-только начиналось, было, по сути, нулевым. Как пишет современный журнал «Русский техник», шасси и кузов в те времена жили как бы отдельной жизнью. Как правило, на раму со всеми агрегатами и подвеской навешивался кузов совершенно произвольной конструкции, поэтому изделие Чепурина трудно идентифицировать. Эксперты «Русского техника» полагают, что это была копия немецкого автомобиля Miele. Таких машин было выпущено не больше 140, они поставлялись и в Россию.

Амурская копия европейской легковушки по улицам Благовещенска двигалась, как тогда говорили, «с кинематографической скоростью».

За чудеса прогресса приходится платить. С появлением значительного количества авто жизнь горожан стала несколько опаснее. Если раньше они страдали от бешеной скачки всадников, неаккуратной езды разного рода гужевого транспорта и велосипедов, теперь к ним добавились автомобильные лихачи. В хронику газеты «Эхо» попало несколько дорожно-транспортных происшествий 1912 года.

«Около 4 часов вечера легковой извозчик – рабочий биржесодержателя Лазарева, привёз седоков к дому Грядасовой на углу Большой и Ремесленной улиц. Едва седоки успели сойти с экипажа, как из-за угла Ремесленной улицы вывернул на быстром ходу автомобиль начальника постройки средней части Амурской железной дороги инженера Трегубова и направился к месту остановки извозчика. Лошадь последнего испугалась, бросилась в противоположную от автомобиля сторону, перевернула на крутом повороте экипаж и понесла, волоча за собой запутавшегося в вожжах извозчика, который, не заметив вовремя автомобиля, не успел ничего предпринять, чтобы предотвратить несчастье. По словам очевидцев, выезжая из-за угла, автомобиль не подавал гудков и сделал это только тогда, когда находился саженях в десяти перед мордой лошади. К счастью извозчика, к нему вскоре подоспела помощь, и он высвободился, отделавшись только испугом и незначительными ушибами. Пролётка разбита вдребезги, уцелели от неё только колеса и задние шины. Владелец выезда, заявивший убытка 400 рублей, обращался к господину Трегубову с просьбой о возмещении убытка, но получил отказ и намерен обратиться в суд».

«5 августа приблизительно около двух часов дня по Зейской улице два автомобиля устроили состязание. Развивая значительную скорость и не давая обычных сигналов, они неслись от Зеи по направлению к центру города. Около Ремесленной улицы один из автомобилей, оставив своего соперника в двух саженях позади, видимо, желая показать своё превосходство, начал лавировать из стороны в сторону, занимая таким образом всё уличное пространство. Само собой разумеется, все проезжающие и проходящие должны были очищать уличное пространство, спасаясь за канавами. В одном автомобиле сидел шоффер. Позади него стоял какой-то человек, наклонявшийся к шофферу и, вероятно, приказывавший развивать скорость. В другом автомобиле был лишь шоффер. Автомобили эти, говорят, принадлежат управлению Амурской железной дороги».

«Вечером 6 сентября мчавшийся по Большой автомобиль на углу Корсаковской наскочил на выехавшего из-за угла корейца. Кореец, видя неизбежность столкновения, успел соскочить с телеги, телега же оказалась разбитой. Установить, чей это был автомобиль, не удалось».

«22 декабря около трёх часов дня автомобиль, кажется, начальника работ по постройке железной дороги, задел переходившего против реального училища мальчика и порвал ему шубу. Мальчик, по-видимому, не ушиблен, так как убежал сам. Виновником случая является несомненно мальчик, но раз такие случаи возможны, не мешало бы шофферам ездить с большей осторожностью, особенно в наиболее людных местах».

«Крестьянин Амурской губернии Рябицкий заявил, что на него наскочил автомобиль, разбил кошевку, стоящую 30 рублей, зашиб лошадь, стоящую 300 рублей».

Правила дорожного движения появились в Благовещенске в ноябре 1912 года: дума утвердила «Обязательное постановление о порядке езды по городу на велосипедах и других автоматических экипажах» (в России первые такие правила были приняты в 1896 году). Постановление регламентировало возраст (езда на велосипедах разрешалась с 12, управление автомобилем – с 18 лет), скорость (езда на автомобиле по городу не должна превышать 15 вёрст в час), «озвучку» (велосипеды должны быть снабжены звонками, автомобили – рожками). Посчитали, что на первое время достаточно.

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Всеобщее начальное – Алексеевская женская гимназия – Вторая женская гимназия – Мужская гимназия – Реальное училище – Ремесленное училище – Городские начальные училища – Церковно-приходские школы – Благотворители – Стипендии – Школьные экскурсии – Хроника школьных экскурсий – Народные учителя – Курсы для взрослых – Библиотеки

В ноябре 1907 года третья Государственная дума предложила для рассмотрения законопроект «О введении всеобщего начального обучения в Российской империи». В нём, в частности, говорилось, что «всем детям обоего пола по достижении школьного возраста должна быть предоставлена возможность пройти полный курс обучения в правильно организованной школе». Согласно проекту, содержать эти учебные заведения должно было местное самоуправление; продолжительность обучения в начальной школе – 4 года, число детей на одного учителя – 50, район, который должна обслуживать одна школа, – местность с радиусом в три версты. Пять последующих лет законопроект обсуждался, дорабатывался, заслушивался, в итоге так и не был принят, но... самоуправление Благовещенска решило ввести в городе всеобщее начальное образование!

Всеобщее начальное

В 1908 году Амурская область была лидером Российской империи в области народного просвещения, потому что на каждую тысячу жителей приходилось 84,4 учащихся. В Москве этот показатель составлял 81,0, в Петербурге (столичный город) – 77,1 и так далее. Сенсационный для нас факт был опубликован в статистическом ежегоднике «Россия в цифрах» за 1909 год.

Секрет рекорда в том, что жителей в области было мало, а школ и училищ довольно много. В 1908 году в Благовещенске действовали мужская и женская гимназии, частная гимназия М.С. Генерозовой, духовная семинария, духовное училище при ней, епархиальное училище, реальное училище, образцовая школа при семинарии, епархиальное училище, 3-хклассное городское училище, ремесленное училище, речное училище, 17 городских народных училищ для мальчиков и девочек, 6 церковно-приходских школ. Всего 38 учебных заведений, в них 219 учителей, 3497 учеников и 2278 учениц (Из «Обзора Амурской области за 1908 год»).

В сентябре 1908 года в городской думе составили программу перехода на всеобщее начальное образование. Расчёт был прост, как арифметическая задача для первого класса: в 1908 году в школы не попало около 2 000 детей, значит, понадобится десять школ по 200 человек в каждой и 40 учителей. Городская дума возбудила ходатайство перед Министерством народного просвещения об отпуске из общегосударственного школьного строительного фонда пособия и беспроцентной ссуды на осуществление в городе программы всеобщего обучения, чтобы полностью выполнить её к 1922 году. Бывший тогда Приамурским генерал-губернатором П.Ф. Унтербергер на это ходатайство дал неблагоприятный отзыв, сославшись на то, что жизнь дальневосточных городов пока не установилась настолько, чтобы можно было правильно представить прирост населения за такой короткий срок. Проект положили под сукно.

Каждый год в конце августа местные газеты сообщали о том, как проходит набор учащихся и сколько учеников остаётся, как тогда говорили, «за бортом школы». 1 сентября 1910 года газета «Эхо» пишет: «Значительное число детей не попадает в школу. В училище имени барона А.Н. Корфа подано 100 прошений, принято 36 человек, в училище имени Н.А. Некрасова подано 200 прошений, принято 35 человек, в училище имени И.А. Крылова подано 100 прошений, принято 45 человек» (в этом перечне – начальные школы, их называли и училищами).

В училищной комиссии городской управы в сентябре 1910 года отчаянно спорили, что делать: одни предлагали организовать «дополнительные занятия в послеобеденные часы» (вторую смену), другие считали такой порядок неприемлемым, третьи высказались за открытие новой начальной школы. В конце концов решили организовать в нескольких школах две смены: первая – с 8 до 12 часов, вторая – с 13 до 17. В октябре дополнительные занятия начались в училищах имени Наследника Цесаревича Николая Александровича и имени А.В. Суворова.

Училищная комиссия городского самоуправления дополнительно организовала и подготовку кадров: в сентябре 1910 года при благовещенском трехклассном городском училище открылись двухгодичные педагогические курсы. Обучение было бесплатным.

Ещё одним поводом для жарких споров членов местного самоуправления в тот год стала нехватка мест в мужской гимназии: в подготовительный класс не попали сорок человек. Родители обратились в городскую управу с просьбой ассигновать 750 рублей на открытие дополнительного класса. Вопрос обсуждался на одном из заседаний думы.

Гласный Е.А. Власов предложил родителям несостоявшихся гимназистов (среди них было много людей состоятельных) «деньги найти самим, а 750 рублей истратить на начальные школы». Дума Власова не поддержала и просимую сумму выделила на открытие дополнительных мест в подготовительном классе гимназии.

А могли бы открыть новую начальную школу. Тем более, что Г.П. Ларин предложил городской думе (при условии открытия дополнительной школы) годовое содержание для двух учителей. Газета «Эхо» 22 сентября 1910 года поместила об этом заметку: «Известный благодетель города Г.П. Ларин, узнав из газет о громадном количестве детей, не принятых в начальные школы за неимением там свободных мест и о затруднительном положении городского самоуправления в средствах для открытия новых школ, поручил своему доверенному Ф.И. Тузову проверить это газетное сообщение и, если оно окажется верным, предложить городской думе 1 200 рублей на жалование двум учителям, считая с 1 октября по 15 мая по 80 рублей в месяц, при условии открытия дополнительной школы».

В ноябре 1911 года начальник края Н.Л. Гондатти предложил возобновить ходатайство о всеобщем начальном образовании, подкрепив его цифрами, и дума Благовещенска организовала однодневную «школьную» перепись. Переписчиками пригласили всех желающих (всего – 100 человек) с оплатой «по 5 рублей за два квартала».

В начале декабря объявили итоги проделанной работы. Общее число детей до 12 лет – 15 552, в средних учебных заведениях учатся 1795, в низших – 4397 человек. «За бортом» оказалось 9360 детей, хотя кто-то был на домашнем обучении, а кто-то в 10-11 лет уже работал.

По результатам переписи дума разработала новую программу: до 1924 года запланировали открыть 14 школ на 150 учеников каждая. Интересно, что несколько школ «собирались» под одной крышей: в рамках программы «1912-1924» должны были построить семь новых зданий на три школы каждое и три здания на две школы каждое.

Мебель для учебных заведений заказывали на местах. Например, к сентябрю 1910 года благовещенским городским училищам требовалось к уже имеющимся 285 новых парт, девять столов, четыре классных доски, 40 венских стульев, один умывальник. Торги на изготовление мебели тогда выиграл владелец столярной мастерской, что на улице Мастерской, И.М. Черноскутов: он запросил за готовую парту восемь, за стол – шесть рублей.

Новое ходатайство с новым планом школьного строительства в Благовещенске было отправлено по инстанции в декабре 1911 года. Уже в феврале 1912 года депутат Государственной думы Ф.Н. Чиликин телеграфировал городскому голове П.П. Попову (телеграмму опубликовала газета «Эхо»): «Министром народного просвещения утверждён проект школьной сети и плана школьного строительства города Благовещенска. Отпуск средств начинается в декабре 1912 года. Также отпускаются деньги на школьное строительство по смете 1912 года. Высы-

лаю почтой текст. Вопрос об обязательствах города необходимо провести через постановление городской думы».

И теперь, для сравнения с 1908-м годом, показатели «школьного строительства» 1914 года, опубликованные в «Отчёте Амурской области» в Благовещенске: мужская и женская гимназии, вторая женская гимназия, реальное училище, духовная семинария, духовное училище при ней, епархиальное училище, образцовая школа при епархиальном училище, 3-хклассное городское училище, ремесленное училище, речное училище, два высших начальных училища, 27 городских народных одно- и двухклассных училищ), 8 церковно-приходских школ, две частные подготовительные школы, счетоводные курсы, вечерние курсы для взрослых. Всего 54 учебных заведения, в них 345 учителей, 4125 учеников и 3 856 учениц. Всего в области было уже 382 учебных заведения «Из «Обзора Амурской области за 1914 год».

Алексеевская женская гимназия

Среднее учебное заведение для девочек началось в Благовещенске как двухклассная школа в 1874 году. В 1879 она стала четырехклассной, с 1888 года это была полная семиклассная гимназия.

В мае 1902 года было получено официальное извещение о том, что правительство ассигновало 200 000 рублей на строительство нового здания женской гимназии. План и смета были готовы. Оставался вопрос: где строить?

Рассматривали варианты: на Сенной или Торговой площадях, на городском бульваре. Гласные в то время голосовали, вставая с места. Так вот, когда перечислялись варианты размещения нового здания женской гимназии, «гласные хладнокровно сидели», – отметил дотошный репортёр, то есть никто не поддержал предложений, потому что «базаров и так не хватает, с базаров город будет получать арендную плату». На Торговой планировалось создать главный городской базар и торговать там лошадьми, скотом, сеном, дровами, овощами. Сенная площадь – место центральное, но окружено торговыми банями, питейными заведениями, слишком близко от Бурхановки, вдоль которой ютились всякого рода приискатели, мастеровые и прочие: по вечерам в округе небезопасно; вокруг болота и низины, в них много нечистот; в районе деревянные мелкие постройки – здание, которое будет одним из лучших в городе, на их фоне затеряется.

С местом строительства определились к сентябрю: на Иркутской, между Мастерской и Торговой. Первоначальную закладку женской гимназии решили приурочить к приезду генерал-губернатора. На организацию этого мероприятия дума выделила 1800 рублей.

Торжество состоялось 27 сентября и началось с молебна. Проводивший его священник сказал речь, завершив её словами: «Чтобы здесь всегда пребывал Дух Божий». После богослужения произвели закладку камней на всех четырёх углах будущего здания. Первые камни положили архипастырь преосвященный Никодим, генерал-губернатор Приамурья Н.И. Гродеков, военный губернатор Амурской области А.М. Валуев и его супруга. В юго-восточный угол заложили серебряную доску с соответствующей надписью. В других углах камни заложили вице-губернатор, городской голова, начальница гимназии.

Сразу после окончания церемонии генерал-губернатор телеграфировал в Петербург Его Императорскому Высочеству Великому Князю Алексею Александровичу: «Сегодня в присутствии моём совершена закладка каменного здания Благовещенской имени Вашего Императорского Высочества женской гимназии. Счастлив довести до сведения Вашего Высочества об этом знаменательном событии в истории основанной и покровительствуемой вами, Ваше Императорское Высочество, гимназии. Гродеков».

В городской управе был торжественный обед в честь приезда генерал-губернатора и закладки нового здания. Было провозглашено много тостов. После обеда все направились на торжественный акт в гимназию (актом называлась церемония по окончании учебного года, когда ученицы или ученики переходили в следующий класс).

Гостей встречали начальница женской гимназии М.Д. Малярова и председатель попечительского совета гимназии В.В. Лукин. Хор учениц исполнил «Боже, царя храни» и «Слава на небе солнцу высокому». Малярова прочитала адрес в изящной папке. Воспитанница Попова прочитала другой адрес – от учениц. Он был украшен акварелью. Генерал-губернатору поднесли хлеб-соль на полотенце с вышитым гербом Амурской области. Генерал-губернатор поздравил учениц с окончанием учебного года. Отличившиеся ученицы получили из его рук похвальные листы.

До окончания строительства нового функционировало старое, деревянное здание, что на Чуринской площади.

...Одно время в средних учебных заведениях России действовали родительские комитеты. Они имели очень большие полномочия, которые касались успеваемости, дисциплины, учебной нагрузки, хозяйственных дел, бюджета учебного заведения и так далее. Благодаря публикациям в прессе можно довольно подробно рассказать о деятельности родительского комитета Алексеевской женской гимназии в течение 1908-1909 учебного года.

В октябре 1908 года прошли «поклассные» (от каждого класса по три человека) выборы. В состав комитета вошли 24 родителя. Сохранился список «комитетчиков»: Пржедземский, Губанов, Гусев (от подготовительного класса), Барышев, Родионов, Буянов (от 1 класса), Казанов, Дьячковский, Иванов (от 2 класса), Самсонов, Ельцов, Катков (от 3 класса), Волковойнов, Скрибанович, Граф (от 4 класса), Барышев, Разсохин, Ломоносов (от 5 класса), Молосова, Кампер, Константинова (от 6 класса), Сафонов, Таранов, Власов (от 7 класса), в 8 классе выборы почему-то не проводили. Председателем родительского комитета стал Сафонов, заместителем – Губанов. Разсохин, Ломоносов, Тарасов и Губанов были выбраны представителями в комитет по постройке нового здания гимназии.

Первым делом родительскому комитету предстояло решить, кого из учениц можно освободить от платы за учёбу «по материальному положению» и по другим причинам (плата – 25 рублей за полугодие). В 1908 году было подано 80 прошений на 47 бесплатных мест (такие места ежегодно выделял попечительский совет гимназии; дети учителей освобождались от платы за учебу в обязательном порядке).

Члены комитета составили три списка: «особо нуждающиеся», «менее нуждающиеся» и те, чьё освобождение от платы «не вызывается действительной необходимостью». Обсуждалась каждая кандидатура и в короткий срок решение было принято.

Далее – неполный перечень вопросов, которые по мере поступления решал родительский комитет.

О приглашении педагогического персонала на заседания родительского комитета. Решили приглашать.

Об успеваемости учениц. В январе 1909 года обсуждали результаты успеваемости за вторую четверть. «Внимание комитета остановилось на успешности 7 класса, где оказался большой процент неуспевающих по математике. Постановили пригласить на следующее заседание преподавателя математики для совместного с ним выяснения как причин неуспешности, так и мер к её устранению, рекомендовать неуспевающим групповые занятия, организацию которых поручить Сафонову».

О мерах борьбы с заразными заболеваниями среди учащихся. Подготовили и раздали родителям памятку о том, сколько дней при какой заразной болезни (скарлатине, кори, краснухе, оспе, ветрянке, коклюше, свинке, дифтерите) ребёнок должен находиться на карантине. Обратились к родителям, чтобы после каждого заболевания проводили в доме дезинфекцию. Обратились к врачебному инспектору с просьбой сообщать в газетах о заболевших (действительно, в газетах печатали адреса, фамилии, имена заболевших и их диагнозы).

О повышении нравственности среди учащихся. Выработали перечень мер, в их числе: за пределами дома носить форму и гербы гимназии; не посещать вечера для взрослых, кинемато-

граф, маскарады и т. п.; «разрешить вечернее посещение театра только ученицам, имеющим за неделю удовлетворительные баллы под условием обязательности посещения уроков назавтра и не ходить в театре за кулисы»... Сами составители этих мер признавали, что выполнять и контролировать их будет очень трудно, если вообще возможно.

Об устройстве полезных развлечений для учащихся. Здесь родительский комитет показал недюжинные организаторские способности. По договоренности с антрепренёром профессиональной труппы, которая в тот сезон выступала на сцене Общественного собрания, для учащихся раз в месяц стали давать дневные спектакли. Они оказались настолько популярны, что через короткое время билеты запросили буквально все учебные заведения города. Учителя на дневные спектакли проходили бесплатно, но «без отдельного места»: они занимали среднюю ложу бельэтажа.

В начале нового, 1909-го года родительский комитет женской гимназии решил устроить для учениц «летнюю дачу». Обратились к В.В. Лукину: у него пустовали помещения бывшего винокуренного завода. Владимир Владимирович не отказал, выделил всё необходимое для ремонта помещений и никакой платы за аренду не назначил. Деньги на устройство дачи собирали разными способами. Самым эффективным был «театральный»: ученицы гимназии своими силами поставили платный спектакль, вырученные деньги пошли «в пользу летней колонии».

Члены родительского комитета рассматривали самые разные вопросы: о выписке для учителей журналов и книг, о неудобном расписании занятий, о том, что «количество уроков бывает не под силу ученицам». Так как последний из вопросов «особенно серьёзный и требует осторожности и тщательной проверки», для его изучения избрали специальную комиссию.

Больше года родительский комитет работал весьма эффективно, но постепенно его активность сошла на нет: всё меньше и меньше членов собиралось на заседания. В феврале 1909 года в одной из газет даже появилась реплика: «Родительскому комитету женской гимназии, кажется, угрожает обычная для большинства российских обществ участь медленного умирания на почве полнейшего равнодушия членов к общественным делам». А в марте того же года Совет министров предоставил Министерству народного просвещения право «закрывать совещания и комитеты, несовместимые с правильным ходом учебной жизни». Родительские комитеты стали ликвидироваться «сверху».

Обучение в гимназии было платным, но учились здесь не только богатые и состоятельные. Были бесплатные места, были благотворители, которые брали на себя расходы, было Общество вспомоществования «недостающим», то есть бедным, ученицам. Его организовала в 1901 году начальница гимназии М.Д. Малярова. Она же внесла первый взнос – собственным трудом заработанные 100 рублей. В 1909 году в Обществе состояло 259 членов, а в кассе было членских взносов 720 рублей 18 копеек, пожертвований – 568 рублей 27 копеек, вырученных от спектаклей и увеселений – 3410 рублей 60 копеек, пособие от городского самоуправления – 100 рублей и т. д. Всего 13 670 рублей 82 копейки. Расходы за год были следующими: пособия неимущим деньгами – 2475 рублей, вещами – 421 рубль 28 копеек, отчисление на увеличение капитала, устройство увеселений, уплата долгов и прочее – 1500 рублей 35 копеек. Всего 4396 рублей. Помощью Общества в тот год пользовались 172 ученицы: денежной – 57, вещами и продуктами – 25, «приисканием работы» – 1, медицинской помощью – 13, содействием в обучении – 76. Общество вносило плату за некоторых учениц (в 1908 году таких было 68, это 12 % всех учащихся). Некоторые выпускницы получали за счёт Общества высшее образование – им выплачивались стипендии.

Ежегодно в пользу недостаточных учениц силами гимназии ставилось два спектакля. В декабре 1908 года с большим успехом прошел спектакль «Золушка» (для него было приготовлено почти 50 новых костюмов!). Спектакль «Доходное место» по Островскому поставили в апреле 1909 года. «Успех спектакля превзошел все ожидания, – отзывались о постановке зри-

тели. – Свободных мест было немного. Играли дружно и гладко, не раз аплодировали. Общее впечатление отчасти портилось отсутствием духового оркестра, достать который, к сожалению, не удалось. Чистой прибыли до 750 рублей».

Кроме спектаклей устраивались и более масштабные мероприятия – гуляния, например, как летом 1909 года. Объявления печатались в газетах: «Правление Общества вспомоществования нуждающимся учащимся Алексеевской женской гимназии 6 августа в саду Общественного собрания проводит гуляния с лотереей-аллегри, базаром рукоделий, танцами. Приглашены три военных оркестра, будет кинематограф. Входная плата обыкновенная. Пожертвования принимаются с благодарностью».

Гуляния прошли оживлённо. Публики было очень много. Входных билетов было продано на 561 рубль 20 копеек, лотерейные билеты разошлись все – на 984 рубля 88 копеек. Вместе с продажей цветов, мороженого, кофе, чая, пожертвованиями выручено 2173 рубля.

Не часто, но бывали у гимназии и «представительские» расходы. «В честь храмового праздника гимназии 21 ноября 1909 года гимназисткам раздали угощения. Для приглашенных лиц предложили обед. Праздник обошелся в 500 рублей. Это двадцать полугодовых взносов за учение. А публика ещё жалуется на безденежье», – отметил журналист газеты «Эхо».

...Строительство нового здания Алексеевской женской гимназии сопровождалось массой неожиданных препятствий весь 1909 год. Хроника их составлена по публикациям в газете «Эхо».

Март. «Новому зданию женской гимназии не везёт. Строится, строится, а когда построится – неизвестно. Правда, все работы по отделке сданы с подрядов, но при выполнении этих подрядов происходят всякие осложнения. Дело в том, что из оставшегося ещё неиспользованного кредита на постройку (103 000 рублей) на текущий год отпущено только 50 000, да и те выдаются по 8 333 рубля 33 копейки в месяц в течение строительного периода. Расчёты с подрядчиками поэтому затрудняются. Строительным комитетом через находящегося в Петербурге Приамурского генерал-губернатора возбуждено ходатайство о единовременном отпуске, а не частями, следуемых на этот год 50 000 рублей, и доассигнования оставшихся 53 000 рублей в этом же году».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.